

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ
КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

10 Zář 1932.

Volné Kozáctvo

Ročník V.

112

10-го сентября 1932 г.

10-го вересня 1932 р.

П Р А Г А

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 5-ый

РІК ВИДАННЯ 5-ий

Ю. Тигон

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Кто же извращает волю казачью? (Kdo překrucuje ve skutečnosti vůli kozáckou?).
2. А. Ленивов: Великое Войско Кубанское. (Veliké Vojsko Kubanské.)
3. Чужинец: Михаил Чайковский провозвестник Казакии. (Michail Čajkovskij — věštec Kozakije.)
4. С. Савельев: Умным Куликам, стыдливым Макухам, Шкурам, Соламахам и прочим „ловкачам“. (Umným Kulikám, stydlivým Makucham, Škurám, Solamacham a jiným ramenáťům.)
5. А. Т. Жуков: Ярмарочный балаган под фирмою „К. К-а“. (Komediantská bouda „К. К.“.)
6. Ш. Балинов: О своеобразном понимании казачьей чести и об одном неуместном совете (O zvláštním pochopení kozácké cti a jedné nemístné radě.)
7. Думы и мысли. (Dumy a myslí.)
8. Успех казачьей пропаганды. (Uspěch kozácké propagandy.)
9. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace.)
10. В Казакии. (V Kozakii.)

Почтовый ящик.

Франция. — М-ков. — Получено. Сообщите точный свой адрес. Привет.

Крагуевац. — А. Ч. — Получено. Привет.

Новый Сад. — Полк. П. Е. — Никаких фактических опровержений корреспонденции из Н. Сада, помещенной в № 103 „В. К.“, в Вашем письме нет. Значит, извращений Ваших утверждений наш корреспондент не допустил. Но он не обязан излагать Ваши мысли подробно, как не обязаны и мы давать место на страницах своего журнала нашим противникам для того, чтобы они на наших же страницах с нами же боролись. Вот почему мы не поместили у себя Вашего письма от 20-VI.

Славков. — Н. С. — Получено. Привет.

Франция. — К. М-ко. — Посылаем. Привет.

Сувалки. — С. Б. — Посылаем. Привет.

Дижон. — Б. — Посылаем. Пришлите свой точный адрес. Привет.

Югославия. — И. М. — Посылаем. Привет.

Варшава. — А. М. — Одержали. Дякуемо.

Княжевац. — И. Н. — Хорошо. Привет.

Царьгород. — М. З. — Одержали. Будемо друковать. Вітаємо.

Париж. — В. С. — Будет напечатано в следующем номере. Привет.

Казанлык. — М. Б. — Получены. Журнал посылается. Привет.

Австралия. — И. К-ров. — Получено. Будет напечатано. Привет.

Румыния. — О. Я. — Получено. Привет.

Бор. — Х. Д. — Будет напечатано в следующем номере. Привет.

София. — Ф. Б. — Получено. Привет.

Гонорар не платится.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.

В БРАТИСЛАВЕ: И. И. Безуглов.

В ЮГОСЛАВИИ:

Б. А. Кундрюцков. Белград.

А. Чекин. Крагуевац.

Г. В. Алферов — Мраморак.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-ur Elisseeff, Cluj.

С. М. Маргушин. M-ur Margouchine.

Bukarest V.

А. К. Бабков. M-ur Babkoff, Galatz.

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. Варшава.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew. Wilno.

А. Кирьянов. Августов.

Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово.

Н. Егоров. Лом.

В О ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. Париж.

А. К. Ленивов. M-ur Lenivoff; Lyon.

Т. К. Хоруженко. M-ur Khoroujenko; Lyon-Vaise.

И. В. Чуприна. M-ur I. Tchouprina. Cenon (Gironde).

С. К. Поляков. M-ur S. Poliakoff, Rombas.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

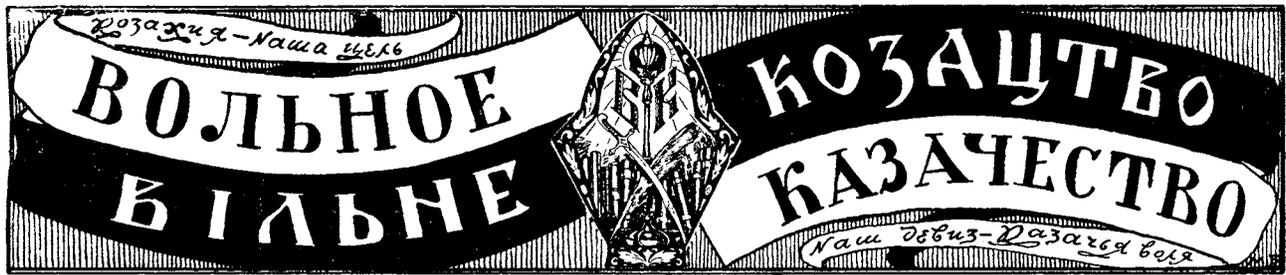
А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

С. Савицкий. S. Savytzky. Brasil.

НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ:

И. Константинов. Харбин.

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchecoslovaquie.

№ 112

Суббота, 10 сентября, 1932 = Субота, 10 вересня, 1932.

№ 112

Кто же извращает волю казачью?

(Ответ генералу Науменко).

„Кавказский Казак“ продолжает свой „поход“ против ВК. В августовском номере, наряду с „перлами“ полемической литературы противников казачьей самостоятельности и „сенсационными разоблачениями“ о „подпольной работе в казаках“ некоего М. С. (сам стыдится подписаться своим полным именем под своим „творчеством“), есть и выступление генерал-майора Науменко.

В прошлом номере „ВК“ мы уже заявляли, что не будем состязаться с „КК“ в употреблении „сильных выражений“. Т. к. кроме таких „выражений“ ничего другого в №8 „КК“ нет, то мы оставляем его без ответа. Господина же М. С. даже благодарим за разглашение некоторых сведений (это разглашение было бы совсем хорошо, если бы в нем было меньше брехни). Подробно ответим только ген. Науменко.

„Вольные казаки извратили волю казачью“ — утверждает ген. Науменко. — В чем же выразилось это извращение? — А в том, что:

„Что касается политических положений, то Рада наша еще в 1918 году, во время напряженной борьбы с большевиками указала, что беря временно, ввиду отсутствия центральной Российской власти, в свои руки управление Краем, она мыслит казачество „неразрывно связанным с Россией единой и свободной“. „Но здесь, за границу, вольные казаки извратили волю казачью, они отказались от России и изобрели Казакию“.

— Такое именно извращение воли казачьей приписывает нам ген. Науменко. Попробуем остановиться на этом вопросе и разобратся в нем более внимательно, а тогда и увидим, кто же в действительности извращает волю казачью.

Ген. Науменко, для доказательства своего утверждения, приводит одну фразу из декларации, приложенной к Кубанской Конституции 1918 года. Мы приведем эту декларацию цели-

ком, остановимся и на Конституции, припомним в каких условиях они принимались и проанализируем эти документы. А потом скажем несколько слов и о том, кто и когда „изобрел“ Казакию.

Итак, прежде всего о Конституции и приложении-предисловии к ней.

Конституция Кубанского Края, принятая Кубанской Краевой Радой 5 декабря 1918 г. (по ст. ст.), по существу является основным законом ни от кого независимой, самостоятельной, по форме правления — демократической республики, в которой, согласно ст. 9, источником Высшей Власти является воля ее граждан, выражаемая на представительных собраниях (Краевая и Законодательная Рады). Согласно точному содержанию текста Конституции, на Кубани нет иной высшей власти, чем власть кубанская. Точно также, нигде в Куб. Конституции нет никакого упоминания о России или о связи Кубани с Россией.

Откуда же взялось декларативное предисловие к Конституции, на которое все время ссылается ген. Науменко? — Для ответа на этот вопрос припомним ту обстановку осени 1918 г., в которой была созвана Краевая Рада, и те силы, которые давили тогда на ее волю.

Краевая Рада 1918 г. созывалась в то время, когда на восточной части территории Кубани шли еще самые ожесточенные бои с большевиками. Фактически власть на Кубани принадлежала тогда больше командованию Добармии, чем Кубанскому правительству, хотя должно было быть наоборот.

Собралась Рада. Больше 500 депутатов от станций и городов. По соглашению Кубанского правительства и командования Добармии в состав Рады вошло и 4 представителя Добровольческой Армии. Среди этих 4 представителей был и ген. Науменко (таким образом, ген. Науменко в то время представлял в Раде ин-

тересы русской Добровольческой Армии, а не интересы Кубани).

Вот в этой Раде и столкнулись два различных мира. То, что принимала Рада, не принимали представители Добрармии. То, что предлагали представители Д. А., не принимала Рада. 11 ноября 1918 г., после того, как Рада приняла свою декларацию, определившую основные вехи кубанской политики на будущее, представители Д. А. были демонстративно отозваны ген. Деникиным из ее состава. Наступил разрыв. Позже была создана „согласительная комиссия“ в составе 16 членов с каждой стороны (16 от Краевой Рады и 16 от Добровольческой Армии). О результатах работ этой согласительной комиссии ген. Деникин пишет так: „Комиссия не привела ни к каким существенным результатам, подтвердив лишь непримиримое внутреннее расхождение сторон“ („Очерки Русской Смуты“, т. IV, стр. 51).

Против позиции Рады ополчились тогда не только добровольцы. Не менее горячо „заволновались“ и некоторые военные-кубанцы, требуя от Рады уступок и сговора с Добрармией. На эту тему выступал в Раде тогда еще полк. Шкуро. Ген. Деникин свидетельствует: „Тревожные события... назревали не на шутку. В один из ближайших дней (после 11 ноября. Ред.) ген. Романовский доложил мне, что ген. Покровский и полк. Шкуро, введя в Екатеринодар свои конвойные сотни, решили произвести переворот, предполагая расправиться с черноморскими лидерами и принудить атамана, полк. Филимонова, принять на себя всю полноту власти...“ Члены Рады хорошо помнят, что некоторые военные начальники недвусмысленно намекали в то время на возможность „открытия фронта“ в случае, если Рада не пойдет на соглашение с командованием Добрармии. Налегали на соглашение (под влиянием этих угроз) и депутаты от станиц, в районе которых проходил фронт или которым в первую очередь грозили бы непосредственные последствия открытия фронта.

Вот в этих условиях Краевая Рада и приняла следующую компромиссную декларацию, как предисловие к Конституции:

„Кубанское казачество, горцы и коренное население сел и городов Кубанского Края, вынесшие из испытаний революции устои порядка и народоуправления, стоят перед необходимостью устройства родного Края собственными усилиями.

Отсутствие государственного единства и общероссийской власти, продолжающаяся в центре России анархия и затянувшаяся борьба с нею, властно диктуют населению Кубани необходимость самостоятельно упрочить государственность в пределах Края.

Мысля себя неразрывно связанным с Россией, единой и свободной, население Кубани твердо стоит на прежней своей позиции: Россия должна быть федеративной республикой свободных народов и земель, а Кубань отдельной составной ее частью.

Ныне же Кубанский Край, стоя на пути государственного строительства, сохраняет за собою всю полноту государственной власти в пределах Края и управляется органами, поставленными его населением, согласно настоящего Положения“.

Через год, в ноябре 1919 года, генералы Деникин, Врангель, Науменко и Покровский, повесив Кулабухова, под прямотою угрозой казни еще 10 человек, заставили Краевую Раду изменить не только Конституцию 1918 года, но и предисловие к ней на такое:

„Кубанский Край мыслит себя неразрывно спаянным с Единой, Великой и Свободной Россией. Население Края сохраняет твердую уверенность в близкой победе над врагами России и непоколебимое решение вести борьбу до конца в тесном союзе с Добровольческой Армией и всеми силами, борющимися за возрождение Великой России через Всероссийское Учредительное Собрание.

Краевая Рада считает ближайшей задачей создание единой Государственной власти на Юге России с участием в ней представителей Кубани и с сохранением за Кубанью широких прав по установлению Краевой жизни через свои представительные учреждения и органы исполнительной власти“.

Меньше чем через два месяца, 1 января 1920 года Краевая Рада аннулировала (отменила) все решения, принятые в кулабуховские дни, восстановила снова Конституцию 1918 года, но ничего не сказала относительно предисловия к ней. Остается каждому толковать по своему.

Такова краткая история того предисловия, на которое ссылается ген. Науменко. Мы видим, что оба раза ген. Науменко был не с кубанскими казаками, а с командованием Добрармии и оба раза участвовал в том, чтобы навязать Кубанской Раде волю ген. Деникина-Врангеля, а сейчас сам укрывается за ту именно навязанную волю, выдавая ее за волю казачью.

Большой вопрос о том, поскольку решения Рады, принятые под давлением или угрозой внешних сил, обязательны для Кубани, особенно тогда, когда те решения опрокинуты уже самой жизнью! Но согласимся на время с тем, что предисловие к Конституции 1918 года „имеет силу“ и сегодня. Что же это значит? Каково его подлинное содержание? — Прочитаем его внимательно. Касается оно двух моментов: настоящего и будущего. То, что касается настоящего, совершенно ясно:

„... Стоят перед необходимостью устройства родного Края собственными усилиями... Властно диктуют населению Кубани необходимость самостоятельно упрочить государственность в пределах Края... Ныне... Кубанский Край... сохраняет за собою всю полноту государственной власти в пределах Края и управляется органами, поставленными его населением...“

Ясна и та часть, которая касается будущего:

„Мысля себя неразрывно связанным с Россией, единой и свободной, население Кубани твердо стоит на своей прежней позиции: Россия должна быть федеративной республикой свободных народов и земель, а Кубань — отдельной составной ее частью“.

Согласно этого абзаца Кубань свое присоединение мыслит только к России как к федеративной республике свободных народов и земель. Этот же абзац декларации совершенно не предписывает кубанцам работать над созданием Российской Федерации больше, чем работают другие народы, но он запрещает присоединение Кубани ко всякой другой России, кроме свободной федерации свободных народов и земель. Неясным остается вопрос, а что бы делала Кубань, если бы сами свободные народы и земли не хотели вообще федерации, а предпочитали остаться самостоятельными? Или, если бы Россия не хотела федерации с казаками, а подчинения (подданства) казак в России (что в действительности было и есть)? — Логика и в данном случае диктовала бы Кубани тоже самостоятельность.

А что значит: быть отдельной составной частью федеративной республики свободных народов и земель? — Ответим сначала на вопрос: что такое федерация, кто и как ее образует.

Федерация, федеративное государство создается путем договора самостоятельных государств. Федерация — добровольный союз равных. Компетенция федеральной (союзной) власти создается путем отказа каждого из участников союза от части своих суверенных (верховных) прав и функций и передачи их в пользу власти общей — федеральной (союзной). Таким образом, чтобы образовалась Российская федеративная республика свободных народов и земель, надо сначала, чтобы эти свободные народы и земли сделались действительно свободными и самостоятельными государствами — это раз, а второе — чтобы они захотели образовать федерацию. Федерация принуждением не создается.

Предположим, что Кубань — самостоятельное государство и хочет идти в Российскую федерацию. Этого мало. Надо, чтобы и те другие, а прежде всего сама Россия (Великороссия) хотела федерироваться с Кубанью. Мы знаем очень хорошо, как мало среди русских федералистов. Ведь в 1917 и 1918 годах почти все народы б. Р. Империи были федералистами, и только русский народ меньше всего разделял такую государственную программу. В свое время на стр. „ВК“ мы уже отмечали, что даже те немногочисленные русские федералисты которые признают нужным перестройку России на федеративных началах, — что они ограничивают круг тех, за кем они такое право признают, — во всяком случае почти никто из русских не признает такого права за казаками. И сейчас ведь сов. Россия по конституции является союзом, много народов имеют — пусть фиктивную, но

все же автономию хоть в чем либо, лишь только Казачество не имеет никаких прав... Искренние заблуждаются, а „сознательные“ „русские казаки“ лгут, когда говорят, что Россия „даст казакам федерацию“.

И еще один вопрос: кто и когда решит за Кубань, что пришло время федерироваться? — Такой вопрос может решить только население Кубани всенародным голосованием или специально избранная для того Краевая Рада — Верховный хозяин освобожденной, государственно самостоятельной Кубани.

Вот почему преступно сейчас, ссылаясь на то, что Рада приняла когда то решение: „мысля себя неразрывно связанным с Россией“... ничего не делать для освобождения и осуществления самостоятельности Казачества. Наоборот, об этом „мысля себя неразрывно связанным...“ надо забыть и помнить только: „ныне же“... Это в точности отвечает и решению Рады, на волю которой ссылается ген. Науменко. Тем более, что будущая Рада может и отбросить это самое „мысля себя...“, в чем мы ни минуты не сомневаемся.

Мы убеждены, что читатели легко и сами разберутся теперь и в той „тонкой“ перестановке с этим самым „мысля себя...“, какую (мы думаем — намеренно!) делает ген. Науменко. В самом деле, есть большая разница между двумя формулировками:

... „беря временно.. в свои руки управление Краем, мыслим себя неразрывно связанным с Россией...“

и: „мысля себя неразрывно связанным с Россией... берем в свои руки управление Краем...“

Последний вопрос: а что если условий, предрешенных Радой для федерирования с Россией, единой и свободной, не наступит 1000 лет, — что тогда: ждать и ничего не делать? — Нет, не ждать и одного дня, а осуществлять прямую и ясную волю Казачества „ныне же...“

Перейдем дальше к следующему вопросу: извращают ли вольные казаки волю Казачества „отказываясь от России и изобретая Казакию.“

Прежде всего, что такое Казакия в нашем понимании? — Казакия — союзное казачье государство, казачья федерация, в состав которой, согласно нашей программе-*maximum*, должны войти все шесть войск Европейского Казачества и Калмыки. Зачем и для чего мы создаем Казакию? — никогда и ни от кого не скрывали ответа на этот вопрос: не для служебной роли другим народам и государствам, а для самостоятельного и независимого существования коренного населения Казачьих Земель в своем государстве, во имя блага своего народа, для обеспечения его исторического существования, для успеха полного развития его духовного и материального благосостояния, для того, чтобы впредь никто над ним уже не делал никаких опытов, а был он сам себе хозяином и распорядчиком своего настоящего и будущего, как было когда то Казачество полным и самостоятельным господином самому себе в прошлом.

Чтобы можно было говорить о том, что вольные казаки, стремясь к Казаккии, извращают волю казачью, надо было бы показать, что казаки вообще не стремились и не стремятся к самостоятельности, не стремились и не стремятся к объединению.

Нужно ли нам доказывать сейчас еще раз, что Казачество не только стремилось и стремится к государственной самостоятельности, если оно эту самостоятельность уже имело и боролось за нее? Что говорит Донская Конституция? А если вы, русские казаки, оспариваете содержание Кубанской Конституции, то почему же и из-за чего между Кубанью и представительницей русских интересов — Добрармией — шла такая ожесточенная борьба? За что убиты Рябовол и Кулабухов? Если вы будете отрицать наличие самостоятельных стремлений у терских казаков, то как объяснить то, что в январе 1920 г. терцы вместе с донцами и кубанцами хотели строить самостоятельное союзное государство из Дона, Кубани и Терека? А вы думаете, что если бы тогда имели возможность собраться вместе с донцами, кубанцами и терцами и другие казаки, то они потянули бы в другую сторону?

Значит, было и есть не только стремление к самостоятельности, но была и сама самостоятельность. И если вы можете пытаться брать под подозрение эту волю и других казачьих Войск, то взять таковую у донцов и кубанцев вам никогда не удастся. А Дон и Кубань — старейшие и наиболее многочисленные казачьи Войска — могут быть хорошим примером для других. Процесс политического развития и государственного строительства в 1917—1920 г. у казаков шел от несамостоятельности к самостоятельности, а не наоборот.

Было ли у казаков стремление к объединению, стремление создать „казачий комплекс“ в пределах шести Войск Европейского Казачества? — Вспомним „Юго-Восточный Союз“ 1917 года, возродившийся в 1918 году на Дону при Атамане Краснове в форме проекта Доно-Кавказского Союза, так наз. „Южно-Русскую Конференцию“ 1919 года, „Верховный Круг Дона, Кубани и Терека“ 1920 года. — Ведь все это этапы к ... Казаккии.

Инициатива создания Юго-Восточного Союза принадлежит конференции представителей Донского, Кубанского и Терского Войсковых правительств, созванной в конце сентября 1917 г. в Екатеринодаре. Договор об образовании Союза подписан 20 октября 1917 г. (по ст. ст.) на второй конференции во Владикавказе. В образовании Союза приняли участие Войска: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Горцы и Калмыки. Впоследствии присоединились к Союзу Войска: Уральское и Оренбургское.

В задачу „Юго-Восточного Союза“ входило решение казачьего вопроса в пределах „новой России“ (послереволюционной). Вопросы об отделении от России тогда еще не ставилось. Кто помнит события, тот знает, что в 1917 году все

народы, повторяем, были федералистами, за исключением русских.

Договор 20 октября 1917 г. создавал скорее целевую организацию, чем органическое государственное образование, ставя перед Союзом в первую очередь задачи: борьбы с надвигающимся на территории Казачьих Земель анархо-большевизмом, взаимной поддержки у себя дома и обеспечение в будущей Российской Федерации за Казачеством надлежащего места равноправного члена этой Федерации. Осуществление самой Российской Федерации возлагалось на Всероссийское Учредительное Собрание, с одной стороны, и на свободное соглашение с окраинными народами, с другой.

Не по вине Казачества Россия не стала федеративной республикой. Навалившийся большевизм, раз'единив фактически наши Края, не дал возможности осуществить Казачеству и Юго-Восточного Союза. В 1918 году все народы б. Р. И., бывшие в 1917 г. федералистами, стали на путь самостоятельности. На тот же путь стало и Казачество.

Генерал Деникин (т. II, стр. 182) считает Юго-Восточный Союз „начинанием казачьей интеллигенции“. Отвечая ему, „русский казак“ В. А. Харламов („Донская Летопись“, т. II, стр. 284 и след.) пишет следующее о существовании постоянного стремления у казаков к объединению:

„Если обратиться к недавнему до-революционному прошлому, то мы увидим, что с начала открытой политической деятельности в России, с учреждением Государственной Думы, депутаты-казаки составляют одну казачью группу, которая, несмотря на разницу политических взглядов лиц, в нее входящих, действовала и выступала по казачьим-вопросам всегда объединенно. В первые месяцы революции стихийно выражается стремление казаков к единению и создается Союз Казачьих Войск, где выковывается общая казачья мысль, намечаются планы обще-казачьего строительства в новых условиях жизни... Если на Юго-Востоке России казачьи Войска пытались создать Союз, то за Уралом и в Сибири остальные казачьи Войска проделали то же самое... Идея Юго-Восточного Союза не умерла с фактическим прекращением его существования в начале 1918 года. Каждая сессия Донского Войскового Круга выносила постановление о неотложной необходимости осуществления этой идеи... В период величайшей опасности для самого существования казачьих Войск... создается Верховный Круг Дона, Кубани и Терека... Факт этот характерен и доказателен... В январе 1921 года создается в Константинополе Объединенный Совет Дона, Кубани и Терека... Казачья общественность в эмиграции, независимо от политических взглядов и настроений, идет тем же путем. В Константинополе возникает Обще-казачий Сельско-Хозяйственный Союз, в Праге создается Объединенный Комитет Дона, Кубани и Терека, в Белграде — Общеказачья строительная организация, в Париже — Общеказачий Союз, равным образом орга-

низация зарубежного казачества по станицам включает в себя казаков всех Войск, проживающих в данной местности... Необходимо признать, что эти явления выражают стихийное стремление казачества к объединению и это стремление коренится в психологических особенностях казачества... Пусть формы выбираются неудачные, пусть деятели не оказываются на высоте положения, пусть обстановка неблагоприятна для развития и даже существования этих форм, но идея казачьего объединения жива и воплотится в жизнь”.

— Так свидетельствует единомышленник ген. Науменко — бывш. председатель Д. В. Круга.

Итак, идея казачьего объединения жива и воплотится в жизнь — добавляем мы, вольные казаки, — в осуществлении вольноказачьей программы, в Казакии.

Идея казачьего объединения — первая предпосылка идеи Казакии.

Посмотрим теперь, было ли и есть ли у Казачества стремление к государственной самостоятельности.

Об отдельных казачьих Конституциях, как первом доказательстве нашего утверждения, мы уже говорили. Остановимся теперь на попытках к государственной самостоятельности Казачества в масштабе союзном.

Развивая неосуществленную идею Юго-Восточного Союза, Донской Атаман ген. Краснов летом 1918 года предложил другим казачьим Войскам проект „Донско-Кавказского Союза“, как суверенного государства, т. е. самостоятельного и независимого. Статья первая проекта договора о создании Союза гласила: „Донско-Кавказский Союз состоит из самостоятельно управляемых государств: Всевеликого Войска Донского, Кубанского Войска, Терского В., Астраханского В. и Союза Горцев Северного Кавказа и Дагестана, соединенных в одно государство, на началах федерации“.

Бывший Кубанский Атаман ген. Филимонов, получив предложение Донского Атамана, сообщил его немедленно ген. Деникину, который сделал все, чтобы „пресечь“ в корне инициативу ген. Краснова. „Некоторые положения этого акта, пишет теперь ген. Деникин в своих „Очерках Русской Смуты“ (см. т. III, стр. 247), являлись совершенно несовместимыми с идеологией Добровольческой армии. Создание „суверенного государства“ в корне противоречило идее Единой России... Создание вооруженных сил „Союза“, имеющих задачей „борьбу с большевицкими войсками“ лишь „на его территории“, лишало всякого смысла жертвы добровольцев, приносимые во имя спасения России“...

В июне месяце 1919 года по инициативе Кубанской Рады и Донского В. Круга в Ростове собралась конференция представителей трех Войск: Донского, Кубанского и Терского снова для решения вопроса о казачьем Союзе.

Генерал Деникин сообщает: „Российская общественность и печать отнеслись к этому факту (созыву конференции. Ред.) с единодушным и резким осуждением“. („О. Р. Смуты“, т. V, стр. 201)“.

Сам ген. Деникин тоже был противником казачьего объединения.

Конференция собралась 11 июня (по ст. ст.), а через три дня был убит глава Кубанской делегации Н. С. Рябовол.

В отсутствие Кубанской делегации, стараниями г. Харламова и по соглашению с ген. Деникиным, основная задача конференции — о казачьем Союзе — была подменена другой задачей — об организации южно-русской власти. Тем самым предрешен был и конец конференции: продолжавшиеся в последующие шесть месяцев переговоры не привели ни к чему. Сторонникам „единой и неделимой“ так и не удалось тогда сломить волю казачью...

5 января 1920 г. (по ст. ст.) в Екатеринодаре собрался Верховный Круг Дона, Кубани и Терка.

Генерал Деникин по этому поводу отмечает (т. V, стр. 292): „Казачество сочло возможным самостоятельно и односторонне разрешить вопрос о построении общей власти“...

10 января Верховный Круг, объявив себя Верховной властью по делам общим для Дона, Кубани и Терка, поставил себе задачу установления Союзного Государства из Дона, Кубани и Терка и создание союзной власти.

Чтобы читатели отчетливее представили себе о подлинной воле казачьей, проявившейся на первом в истории Казачества объединенном Учредительном Собрании, приведем некоторые отзывы о нем его противников, собранные в книге ген. Деникина (т. V стр. 292 и след.), в том числе и его самого.

„Отсутствие национальной идеи, убогая мысль, потеря чувства реальности, оторванность от народных масс, личные и партийные интересы“... („оценка“ Верховного Круга ген. Деникиным, стр. 292).

„Идея самостоятельного казачьего государства и самостоятельной казачьей армии под влиянием кубанских самостийников по началу стала брать верх на Круге“... (стр. 294).

... „Создается совершенно ненужный союз. Предатели затевают нечестную кампанию и ставят крест на нашем существовании“... (Ген. А. П. Богаевский, стр. 296).

... „Изменение лозунга борьбы и замена идеи борьбы — борьбой за собственный очаг, за собственную шкуру — означает конец этой борьбы... Самостоятельное казачье государство для нас немыслимо... Единственная речь, произнесенная на Верховном Круге, напоминавшая о государственной идее и говорившая об общегосударственной власти, единственная речь — говорю это с болью в сердце — вышла из уст осетина Баева, представителя Терского Войска“... (В. А. Харламов, стр. 297).

„Тяжелая обстановка и атмосфера на Круге... Там слово „Россия“ произнесено быть не может“... (Председатель Терского Круга Губарев, стр. 297).

„Екатеринодар устранил Россию, создал казачье государство, формирует самостоятельную армию и готовится принять всю полноту власти военной и гражданской на юго-востоке“... (ген. Деникин, стр. 300).

„Вершители дел на Круге — группа донских и кубанских самостийников“... (ген. Деникин, стр. 304).

Поддержанный Донским и Терским Войсковыми Атаманами и старшими военными начальниками (донцами и кубанцами), ген. Деникин резко и определенно поставил перед Верховным Кругом вопрос: Единство России и единство армии.

С 16 января между Верховным Кругом и ген. Деникиным начались вновь переговоры о создании „общей государственной власти“. В конце января соглашение состоялось. Ген. Деникин отмечает: „Обе стороны пришли к соглашению под давлением обстановки, без особой радости и без больших надежд“... (Т. V, стр. 307).

По существу — соглашение это осталось бумажным.

Сбитый со своего пути вынужденным и неискренним соглашением с ген. Деникиным, Верховный Круг не выполнил той основной задачи, для которой собирался. Роль и значение самого Верховного Круга вследствие этого фактически пали. Накануне оставления Екатеринодара Верховный Круг аннулировал соглашение с ген. Деникиным; освободил Атаманов и Правительства от всех обязательств, связанных с соглашением; изъяс войска Дона, Кубани и Терека из подчинения генералу Деникину и решил приступить к организации союзной власти. Но событий эти решения уже не могли повернуть... И это последнее решение Верховного Круга осталось... только решением. На второй день Екатеринодар пал...

Итак, было две казачьих воли: одна свободная, другая — вынужденная. Свободная воля казачья была за казачье объединение и государственную самостоятельность. Вынужденная воля казачья, которую единонеделимцы при помощи „русских казаков“ добывали у Казачества под виселицей, — та воля казачья добавляла к казачьей самостоятельности „впредь до“... и „мысля себя“...

Читатели уже составили себе, конечно, совершенно ясное представление о том, кто же из нас: мы, вольные казаки, или генерал Науменко (а с ним и ген. Богаевский, и прочая, и пр., и пр.) извращает теперь за границей подлинную волю казачью.

К тому мы можем только добавить: печально не только для Кубани, но и для интересов всего Казачества, что на одном из самых ответственных постов казачьих до сих пор стоит человек, не только никогда не считавшийся с подлинной волей казачьей, но всегда помогав-

ший недругам Казачества склонять ее перед нами и ломать ее в интересах не казачьих.

Если бы ген. Науменко сам верил тому, что подлинная воля казачья с ним, а не с нами, он не прибежал бы сейчас к довольно прозрачным „намекам“ о возможности репрессий со стороны властей Югославии по адресу живущих там вольных казаков. Эта „угроза“ лучше всего свидетельствует, что ген. Науменко сам прекрасно знает, что свободная воля казачья никогда не будет с ним и его пониманием сути казачьего вопроса. Дома ген. Науменко навязывал Казачеству свою „русскую волю“ в сослужении с генералами Деникиным-Врангелем-Покровским... Здесь он не прочь был бы использовать уже целое большое самостоятельное государство в роли Покровского по отношению к Казачеству. Атаман, которому нужно „иностранное вмешательство“ против избравших его, — плохой Атаман.

Что касается самой „угрозы“ по существу, то мы все же плохо верим в реальность ее. Прежде всего, вряд ли Югославия так заинтересована в ген. Науменко, что Югославянское правительство активно выступит на его защиту административными репрессиями по адресу тех казаков, которые живут сейчас в Югославии, но имеют смелость свое суждение иметь в казачьем деле или расходиться с ген. Науменко в понимании казачьих интересов и казачьего будущего.

Такая наша уверенность тем более оправдывается, что ген. Науменко сам до сих пор ставил себя в положение русского, над которым в Югославии есть другие старшие русские...

С своей стороны мы глубоко верим в справедливость и беспристрастие Югославянских властей, как и в то, что они ничем не заинтересованы в споре ген. Науменко с вольными казаками. Казаки вообще, тем более вольные казаки, были и есть не только лояльными по отношению к Югославии, но имеют много поводов считать югославян своими друзьями, платя им тем же.

Не хотим касаться здесь отношений русско-югославянских, но кажется, что многочисленные русские „беженцы“ своим поведением вызывают там к себе такое же отношение, какое разные русские „спасители“ вызывали у нас, казаков, когда слишком широко „расселись“ было за казачьей спиной в 1918—1919 годах...

Нет, в югославянские репрессии мы не верим, т. к. вольные казаки не сделали ничего худого в адрес Югославии. Что же касается ген. Науменко, то это его обещание репрессий за чужой счет, нисколько нас не удивляя, вызывает вполне определенные чувства, собственное имя которым мы в свое время дадим открыто в глаза самому ген. Науменко перед казачьей аудиторией.

Из всего сказанного выше сам собою напрашивается вопрос: сколько же нужно иметь лицемерия, чтобы утверждать, подобно ген. Науменко, что ВК, отвечая „КК“ и его фактичес-

ким издателям, ведя пропаганду вольно-казачьей программы и борясь с ее противниками, борется „против существующего порядка, основанного на постановлениях Рады!..“ — Существующий порядок, по нашему, существует вопреки всем постановлениям Рады.

Генерал Науменко пишет: „Последние номера вольно-казачьего журнала наполнены почти исключительно...“ борьбой с Войсковыми Атаманами и что он „вынужден рассматривать вольноказачье движение совершенно недопустимым, вредным для казачества и соответственным образом относиться к нему“.

Прежде всего — ген. Науменко и раньше не относился к ВК иначе, чем враждебно. Сам ведь он этого не скрывает, а, наоборот, подчеркивает (см. стр. 2-3), что при всех своих прежних выступлениях он „всюду... добавлял, что считает вольноказачье движение вредным...“ — Таким образом, и ребенок поймет, что ген. Науменко рассматривает вк движение недопустимым и вредным не с последних номеров вольноказачьего журнала, а считал его таким и раньше.

Что касается того, что „последние номера вк журнала наполнены ‘почти исключительно’ антиатаманским материалом, то раньше, чем ответить на это утверждение, сравним последние номера вк журнала и журнала ген. Науменко („КК“). А перед тем читатели пусть еще припомнят, с какого времени ген. Науменко открыл поход против того, чтобы во главе станиц и хуторов стояли и вольные казаки по убеждению в тех случаях, когда их, вольных казаков, на те посты станицы и хутора выбирали.

Теперь просмотрим „КК“ и „ВК“.

„КК“ начал вообще „нервничать“ с того времени, как вольноказачье движение начало проникать все больше и глубже в толщу казачью и когда ВК поставило открыто вопрос о своем Съезде (Большой Круг ВК). „КК“ начал все чаще и чаще давать на своих страницах приют вольно-казачьей „оппозиции“. В апрельском номере „К. Казак“ весьма охотно помещает гнусное письмо Быкадорова, очевидно солидаризуясь с ним, ибо письмо напечатано без всякой редакционной оговорки. Для нас тогда уже все стало ясным. Но вот 24 апреля в Белграде ген. Науменко делает сам открытое выступление против ВК. Отчет об этом выступлении помещен в майском номере „КК“ и в „ВК“ 10 мая. Майский номер „КК“ уже полон антивольноказачьим материалом. 22 мая полк. Соламахин выступает в Смедерево против ВК. В июньском, июльском и августовском номерах „КК“ нет ничего другого, кроме похода на ВК.

Читатели „ВК“ помнят, что первый наш ответ ген. Науменко, полк. Соламахину и „КК“ напечатан в номере от 25 июня и в следующих. Все наши статьи редакционные и отклики на выступление ген. Науменко наших сотрудников и читателей — все это только ответы. Или ген. Науменко думает, что он и „КК“ могут по-

зволять себе все, что угодно, а мы будем молчать?

Таким образом, мы видим, что борьбу начали ген. Науменко и „КК“. Возможно, что им сейчас „трудновато“, что своих сил не хватает (своих сил никогда не хватает защищать неправо дело!), но — что делать!

Генерал Науменко всячески „отговаривает“ казаков не заниматься политикой. И на этот раз он подчеркивает, что „наши организации отнюдь не политические, а лишь бытовые...“ Тем не менее мы думаем, что это не должно закрывать возможности казакам заниматься политикой. В результате политической борьбы мы очутились за границей и только в результате политической же борьбы мы можем попасть домой. Не политической жизни сейчас нигде нет — тем более ее не может быть у нас, политической эмиграции. Поэтому — будем должны заниматься казаки политикой, хотя бы уже по одному тому, чтобы никто чужой не занимался политикой за их счет! В противоположность ген. Науменко мы думаем, что „облегчение жизни казака“ здесь и там — большая политическая задача.

Совершенно правильно говорит ген. Науменко, что „никто не имеет права навязывать свое мнение другим и насиловать их волю“. Хорошо бы только было, если бы он сам тоже не навязывал никому своего мнения и не насилывал ничьей воли. Что касается нас, то вольные казаки никого еще силой к себе не тащили, как никого насильно в своих рядах и не держали. К нам идут только те, кто сами себя считают вольными казаками и имеют мужество этого не скрывать.

Не будем спорить с ген. Науменко на тему о том, кто ведет „работу по разложению казачества“, — мы имеем слишком много свидетельств тому, что наша работа не считается Казачеством, как работа по его „разложению“. Что же касается „оплаты поездок наших агентов“, то в этом месте особенно посмеются те казачьи группы или станицы, которые, выписывая к себе вольных казаков, всегда оплачивали и их поездки.

Об отношении своем к русскому народу и России, о ненависти и о не ненависти мы писали уже столько, что повторяться еще раз считаем излишним. Ясно наше отношение и к тем, кого ген. Науменко именует казачьей старшиной. Прежде всего, старшина эта весьма неоднородна. Мы не против хорошей старшины, мы против плохой казачьей старшины, как и против плохих казаков..

Относительно прекращения притока средств в распоряжение Атаманов: ни для кого не секрет, что приток средств в распоряжение Атаманов прекратился давно, гораздо раньше, чем ген. Науменко обнаружил „меры“, тринимаемые в этом отношении „агентами“ вольных казаков. И прекратился он прежде всего потому, что никто из казаков не видел никакой атаманской

работы на спасение Казачества, что все эти „фонды“ атаманские обманули доверие казачье. Казаки перестали давать Атаманам деньги, когда из-уст „идеолога“ их услышали признание в их банкротстве. Да, политическим банкротам не верят...

Что и когда мы обещали Казачеству; когда, какое и в каких условиях мы обещали возвращение казачьей эмиграции домой; какую и при каких условиях мы обещали жизнь там, — все это читатели „ВК“ знают слишком хорошо, чтобы стоило еще раз обо всем этом повторяться. „Райской“ жизни во всяком случае никому не обещали. Наоборот, всегда подчеркивали, что самостоятельная жизнь не легка, но она всегда легче, чем жизнь подневольная. Не так же мы наивны, чтобы не предвидеть того „наследства“, какое оставят после себя на Казачьих Землях теперешние их оккупанты и колонизаторы, но уверяли и уверяем, что и на пепелище легче жить и работать, строя свой дом, будучи самому хозяином своей земли, чем жить и работать там работником, которым командуют и которого заставляют строить сначала палаты для хозяина, а потом на „арендованной“ земле

позволят поставить и себе конуру для временного пользования.

В заключение, мы с гораздо большим основанием можем написать в адрес ген. Науменко то, что он хотел бы „прилепить“ нам: „Годы идут, мы все остаемся за границей“, ибо Войсковые Атаманы, приписавшись к Миллеру, ровно ничего не сделали и не делают для освобождения Казачества, оставляя все время казачий вопрос небольшим придатком „русского вопроса“.

Точно также и упрек (выражаясь весьма мягко) за ничего неделание или за неисполнение своих обещаний мы могли бы послать ген. Науменко с гораздо большим правом, чем он это делает в наш адрес, так как „испанских“ приказов не писали и приказами № 12 казаков не обманывали.

Предоставив „русским казакам“, возглавляемым генералами Науменко, Богаевским и иже с ними, барахтаться в русском болоте, мы, вольные казаки, во исполнение подлинной воли казачьей, пойдем дальше по намеченной дороге — казачьей дороге — к светлому будущему Казачества.

А. Ленивов.

Великое Войско Кубанское.

(Краткий исторический очерк).

(Окончание).

В период с 1709 по 1739 у кубанских казаков происходили постоянные — недоразумения с Запорожскими казаками, отложившимися от России и находившимися, как и первые, в подданстве султана. В указываемый период времени, Запорожцы ловили рыбу не только в Азовском море, но и на кубанском побережье близ крепости Ачуева. Возвратившись в свои края после войны 1735-1739 гг., Запорожцы стали предъявлять свои притязания не только на побережье Азовского моря, принадлежавшее России, но также на побережье Черного моря, занимаемого Великим Войском Кубанским. Как прямое следствие этих незаконных притязаний со стороны Запорожцев, возник целый ряд серьезных недоразумений между ними и Кубанскими казаками. Необходимо отметить, что до 1723 года внешнее наблюдение за действиями Великого Войска Кубанского принадлежало Ачуевскому паше и только в указанную пору перешло в руки сераскира, поселившегося в Копыле.

В русско-турецкую войну 1735-1739 гг., Великое Войско Кубанское приняло деятельное участие, воя на стороне Турции, причем Кубанские казаки понесли громадный урон при вторжении в пределы Турции русских войск, захвативших Казачий (Кара-Кубанский) остров и совершенно уничтоживших много городков, с большим трудом восстановленных позднее. В 1738 году сильный конный отряд Кубанских казаков под главенством Силы Сальникова, совместно с ногайцами, совершил налеты на Быстренский, Кумшацкий, Каргальский и Романовский городки.

Непосредственное соседство Кубанских казаков, располагавшихся в пограничной с Россией полосе, очень волновала Петра I, видевшего в этом большое зло, которое необходимо было искоренить. И действительно, видя Кубанских казаков, обретших приют и покровительство со стороны турецких властей, все казаки подвергавшиеся каким-либо репрессиям на Дону и Запорожьи, бежали прямо на Кубань... Пополнение рядов Великого Войска Кубанского происходило за счет

Донских казаков-раскольников, ухотивших с Дона на Кубань, вследствие непрекращавшихся гонений. Особенно усердие в этом отношении проявлял Войсковой Атаман Данило Ефремов, распоряжением коего были поставлены по р. Салу заставы „к пресечению побегов находящихся в расколе казаков“.

На Кубань, однако, бежали не только раскольники, но и казаки просто почему-либо опасавшиеся репрессий со стороны властей. В этом отношении характерна отписка донского старшины Серебрякова в Петербург с принесением жалобы на Атамана Данилу Ефремова, обвиняющая последнего в том, что „сын его, Степан Ефремов, наказный Атаман, Атамана Терского в тюрьме уморил и от этого страха восемь человек казаков на Кубань ушли“. Много легче стало казакам-раскольникам уже в пору Атамана Степана Ефремова, человека по своей натуре жестокого, но почему то благоволившего к раскольникам и явно покровительствовавшего им при бегстве на Кубань. Примером служит следующий факт: Степан Ефремов, при возвращении своем из Петербурга на Дон в 1767 году, приказал снять заставы, поставленные по р. р. Салу и Маньчу для ловли Донских казаков, убежавших и в одиночку и партиями в Великое Войско Кубанское. Заставы были сняты под предлогом недостатка лошадей. Несколько раньше того на Степана Ефремова, Запорожцами была подана жалоба следующего содержания „Войсковой Атаман Ефремов их Запорожского войска казакам не позволяет в Черкасском городке хлеб продавать, а в другое государство Кубанским казакам хлебную продажу приказывает беззапретно производить“. Следствие, веденное по этому делу выясняет, что Донские казаки „всем Войском засвидетельствуют, что оной Войсковой Атаман Ефремов в продаже хлеба и прочего Запорожским казакам никакого воспрещения, как напредь сего, так и ныне не чинил и Кубанским казакам, которыми называются изменщики Некрасовцы продавать не приказывал“.

Наблюдение установленное за Ефремовым из Пе-

тербурга, точным образом определило его уклон в сторону сепаратизма. Арест Степана Ефремова и последнее его заключение в тюрьму, проведение при Екатерине II-й постоянной пограничной линии между пределами Турции и России, прошедшей по р. Ее, и, наконец, наступление 1777 года знаменует начало новой эры в истории Великого Войска Кубанского.

В 1777 году, Крымский хан Шахин-Гирей, при помощи бригадира Бринка с русскими войсками, подчиняет себе все народы, кочевавшие по Кубани. Прошло однако несколько лет и Екатерина II писала Потемкину: — „не без исключения и основания заключить можно, что Porta скрытно содействует бунтующим салтанам. Преданный нам Шахин-Гирей туркам неприятен. Повелеваем нарядить число войск достаточное к выполнению следующих наших предположений: Один корпус к Днестру, другой к Бугу. Нужно наказать Кубанцев, сие произвести большим числом Войска Донского с частью регулярных войск их подкрепляющих“.

19 октября 1782 года состоялось назначение генерала Суворова командующим Кубанским экспедиционным корпусом, в состав коего вошло 8 батальонов пехоты, 20 эскадронов драгун, 2 роты полевой артиллерии в 16 орудий и сверх того резерв в виде 20 Донских казачьих полков: позднее оное количество войск было много больше увеличено.

Жестокие бои в августе 1783 года (1 августа — на урочище Урай-Илгасы, 28 августа у Ейского укрепления) привели к тому, что уже к 1 сентября того же года, весь Кубанский корпус Суворова сосредоточился в Копиле. Не приходится говорить о том, что все казачьи городки, расположенные на Кара-Кубанском острове, были разрушены до основания русскими войсками, а сами казаки Великого Войска Кубанского принуждены были уходить за р. Кубань. Особым рапортом в Петербург Суворов доносил о том, что „Некрасовцы“ проживающие на Кубани, „суть одичалые в упорстве люди „которые не желают возвратиться в русское подданство“ и пренебрегая этим, предпочитают лучше уйти с Кубани в Турцию к Анатолийским берегам.

Сражения русских войск с ногайцами в октябре 1783 г. у Керменчика и Сарычигера, окончившиеся для последних ужасающим разгромом, решили участь Кубанского края. 28 декабря 1783 года в Константинополе было подписано постановление в 3-х артикулах (представитель России — Булгаков, представитель Турции — адмирал Гасан-Паша), согласно коему Россия признавала крепость Суджук-Кале принадлежащей Турции, но границей на Кавказе должна была служить р. Кубань, причем Россия отрицала свои притязания к владычеству над татарскими народами, обитающими по левую сторону р. Кубани.

Великое Войско Кубанское, отойдя в полном составе за р. Кубань, осело около г. Анапы на землях черкесов-Абадзехов, расположенных между р. Запы и Черным морем. Не задерживаясь особенно долго в оных местах, Кубанские Казаки, собравшись в круг, приняли решение об уходе в Малую Азию (к берегам Анатолии). Во исполнение этого решения, от Черноморских берегов, что у г. Анапы, в день 18 сентября 1783 года отошел флот Великого Войска Кубанского в составе 1 струга, 4 думбасов и 112 морских чаек, с с погрузившимися на них 6 с половиной тысячами кубанских казаков, направляясь к берегам Малой Азии.

Необходимо указать, что свыше 100 семейств Кубанских казаков осталось на Кубани и послужило впоследствии ядром для образования ст. Некрасовской (Майкопского отдела). Другая же небольшая группа Кубанских казаков, оставшихся за р. Кубанью смешалась с черкесами. По переселении Черноморцев на Кубань, на последних неоднократно совершали нападения кубанские казаки „Некрасовцы“.

Еще в 1778 г. распоряжением Потемкина, было образовано на Кубани — две укрепленные линии — Кавказская и Черноморская, причем последняя проходила от Черкасского городка (на Дону) по берегу Азовского моря вплоть до Тамани и далее вверх по Кубани выше Копилы (ст. Славянская). С появлением на Ку-

бани Суворова, Черноморская линия была проведена до укрепления Царицынского (ст. Кавказской).

С уходом Великого Войска Кубанского с Кубани и отказа Крымского хана от престола в пользу России в 1783 году, р. Кубань была объявлена пограничной рекой России на Кавказе, левобережная часть ее была занята черкесами, ногайцами и т. д., от устья р. Лябы и до устья р. Кубани.

В состав Великого Войска Кубанского, в 1774 году вошло известное количество казаков Яицкого войска, которое в связи с Пугачевским бунтом, было переименовано в Уральское Войско и подчинено Оренбургскому коменданту. В том же году (1774 г.), граф де-Меден, командовавший русскими войсками на Кавказе, доносил Екатерине II-ой о том, что Гребенское казачье Войско хочет отложиться от России и ведет в этом направлении переговоры с Великим Войском Кубанским.

Морской переход Кубанских казаков через Черное море завершился благополучной высадкой части кубанцев на берегу у г. Трапезунда и другой, менее значительной части, у г. Синопа. Однако, на новых местах, Кубанские казаки засиживались не долго, ибо вспыхнувшая эпидемия азиатской чумы, заставила их вторично сесть на свои утлые чайки и переплыть Черное море в диаметрально-противоположном направлении.

Второй переход Кубанского флота через Черное море прошел без особых злоключений и завершился благополучной высадкой на сушу, именно, казаки Великого Войска Кубанского расположились станом около слободы Чобруги, что в 80 верстах от г. Овидиополя на р. Днестре.

Параллельно с этим необходимо указать, что часть Кубанских казаков (около 1000 чел.) из высидевшихся у г. Синопа, осев окончательно около поселения Чершамбы пригород г. Синопа), отказалась идти вторично через Черное море и осталась в Анатолии, оторвавшись таким образом от главного ядра Войска. Потомки этой группы Кубанских казаков проживают и поныне в Синопском районе в селении Кизил-Ермак и известны у местного населения под прозвищем Джилея-Казак. Остается признать, что они совершенно отлучились, забыли свой родной язык, обычаи и веру.

Осев на р. Днестре, Кубанские казаки тем не менее должны были и в третий раз сорваться с места и идти искать новые палестины, ибо земли, расположенные по течению р. Днестра и принадлежавшие Турции, отошли в 1789 году во владение России.

Небезинтересно указать, что три года спустя в этих же самых местах (где пребывало эмигрировавшее с Кубани Войско Кубанское), Потемкин образовал из Запорожцев, оставшихся в России, войско верных казаков, которое, будучи поселено на Кубани в промежутки 1792-1794 гг., получило наименование Черноморского казачьего Войска, занявшего ту-же самую территорию, на которой перед этим сидело в течение семидесяти слишком лет и Великое Войско Кубанское.

Кубанские казаки, пустившись в третий раз в морской путь по Черному морю высадились в турецкой Добрудже, где и расселились на землях, отведенных им турецким султаном в непосредственной близости от Задунайской Сичи, расположенной в гирлях р. Дуная, как на острове Святого Георгия. так и по берегам Георгиевского, Китирлинского, Сулинского рукавов.

Земли, дарованные Великому Войску Кубанскому, находились в районе р. Дунаевца и озера Росселья.

Первое время кубанские казаки и Задунайские Запорожцы жили между собой мирно, но потом с течением времени взаимоотношения стали обостряться и в скором времени дошли до того, что разыгравшиеся распри привели их к форменной междоусобной войне. В конце 1785 года кубанские казаки, воспользовавшись временем, когда в Задунайской Сичи было мало Запорожцев, произвели нападение на них, перебили их и Сич сожгли. Задунайские Запорожцы, не желая оставаться в долгу, начали готовиться к ответному нападению на Кубанцев, каковое им, однако не удалось провести в жизнь, ибо султан, получив сведения о их военных приготовлениях, повелел им оставить насиженные места и перейти в Сеймены (местность между Ся-

листрией и Рушуком). Эгим собственно и заканчивается первая фаза междоусобной борьбы, начавшейся между Кубанскими казаками и Задунайскими Запорожцами.

С началом 1811 года выявляется вторая фаза междоусобной войны: Задунайские Запорожцы значительно усилившиеся за счет постоянно перебегающих из России старых Запорожцев, а также и за счет возвратившихся из Австрии Задунайцев, завязали войну с Кубанскими казаками, стараясь отбить у них земли, принадлежавшие им ранее. Междоусобная кровавая борьба, длившаяся почти два с половиною года, закончилась полной победой Задунайских Запорожцев, отбивших у Кубанских казаков Дунаевец, в котором они и основали снова Сич, которая и простояла на этом месте до 1828 года.

1814 год является датой прекращения существования Великого Войска Кубанского, так как распадается совершенно войсковая организация. Часть Кубанских казаков, после победы Задунайских Запорожцев, осталась на местах в Добрудже. другая-же, большая часть кубанских казаков, переселилась в район нынешнего г. Бургаса, а затем и еще глубже в Турцию в село Юнус (Внус) на Мраморном море. Здесь, Кубанские казаки по причинам чисто экономического характера, и это главным образом, расселились: одна часть ушла к берегам Майноского (Маньесского) озера и обосновались в сел. Майнозы (Казакли), куда впоследствии выселились из сел. Юнус и остальные казаки. Однако и в последнем случае, сравнительно небольшая группа кубанских казаков (50 семейств) переселилась из сел. Юнус на Дерконское озеро, находящееся на европейской стороне Черного моря в 45 верстах от г. Константинополя. В сел. Майнозах (Казакли) у казаков

было пять приходов (по сто семейств в каждом). Отсюда три прихода (300 семейств) ушли на остров Мада и поселились на лиманах близ г. Бечакур, где спустя короткий период времени большинство их вымерло или разбрелось, а последние три семьи в 1924 году переселились в г. Акчаир, близ г. Ангоры. Оставшееся казачье население в сел. Майнозы возросло и со временем достигло первоначальной цифры. Небольшой поселок из Кубанских казаков сохранился до последнего времени и в окрестностях г. Варны.

После 1814 года, несмотря на то, что перестала существовать войсковая организация, Кубанские казаки продолжали пользоваться всеми привилегиями, данными султаном в бытность его существования. Взамен этого они были обязаны поставлять султану в случае войны известное число всадников. В войну 1828-29 г. г. напр., одно только сел. Майнозы (Казакли) выставило 160 всадников, вооруженных пиками, служивших в турецкой иррегулярной коннице.

В 1925 году на Дон прибыла из Турции партия Кубанских казаков, числом 850 семейств, сохранивших в течение 200 летнего пребывания на чужбине и язык, и веру, и обычаи. В июне 1926 года из Турции возвратились старые Кубанские казаки и на Кубань в количестве 114 семей, осев на землю около ст. Приморско-Ахтарской, объяснив свое возвращение следующим: „кровь тянула на Родину“.

Таковой представляется в кратких чертах история Великого Войска Кубанского и его остатков... История до настоящего времени — неизследованная и никогда не разрабатывавшаяся историками!

Чужинец.

Михаил Чайковский провозвестник Казакии.

(Идея вольного казачества в XIX веке).

Мысль о создании союза казачьих Войск в форме федеративного, отдельного от России, казачьего государства*) проявилась в эпоху нынешней эмиграции и нашла свое выражение в статьях и программе „Вольного Казачества“ совершенно самостоятельно, самопроизвольно. в результате политических обстоятельств самого последнего времени, в связи с появлением исторических трудов, осветивших по новому историю казачества, в итоге новых устремлений определенных групп казачества.**)

Между тем, около ста лет тому назад идея того, что теперь называют Казакией, была отчетливо осознана, продумана, провозглашена, и к проведению ее в жизнь принят был ряд энергичных шагов.

Человек, который явился провозвестником идеи вольного казачества в теперешнем его толковании, был польский писатель-романтик и политический деятель по имени Михаил Чайковский, ставший широко известным под своим турецким именем Садыка-паши. Жизнь этого человека была посвящена, главным образом, проповеди и проведению в жизнь идеи вольного, независимого, союзного казачества.

К этой цели Чайковский шел самыми неожиданными путями, потерпел неудачу, разочаровался в друзьях, принял вновь российское подданство, перешел в православие и, наконец, кончил жизнь самоубийством на девятом десятке лет. Но именно он ясно, чем кто либо до появления „Вольного Казачества“, осознал и выразил идею вольного казачества. Поэтому описание его жи-

зни и деятельности заслуживает подробного изложения.*)

Михаил Станиславович Чайковский, или как он любил писаться Чайка-Чайковский, сын „подкомория“ житомирского Станислава Ч. и жены его Петронеллы Глембоцкой, родился в 1804 году в с. Галчинцы, Житомирского уезда Волынской губернии, недалеко от гор. Бердичева. Под старости в православии, он писался по крестному отцу Илларионовичем. По рождению польский шляхтич и горячий польский патриот, Чайковский с самых ранних лет испытал глубочайшее влияние окружавшей его украинской стихии, влияние настолько сильное, что и его товарищи, и его новейшие биографы называли его „на половину поляк, на половину казак“.

Эти украинские впечатления детства и юности дали Чайковскому бесконечный материал для его украинских и казачьих рассказов, когда, после 1831-го года, в эмиграции он стал одним из самых плодовитых и талантливых „казачьих повесцяржей“ на польском языке.

Мать его гордилась происхождением из рода связанного с гетманом Ив. Брюховецким, а отец ее, дед Чайковского, был крайним украинофилом, казакотомом и приверженцем „арисгократизма в духе казачества“. Старик Глембоцкий не только держал, как и все поль-

*) Мысль о союзе казачьих *Войск в пределах России проводилась в жизнь в 1917 году.

***) От ред. Мы все же считаем, вопреки мнению почтенного автора настоящих статей, что создание „Юго-Восточного Союза“ в 1917 г., Доно-Северокавказской конференции (проект 1918 г.) и „Верховный Круг Дона, Кубани и Терека“ 1920 г. и его решения о казачьем союзном государстве — являются непосредственными провозвестниками идеи ВК, окончательно формулированной ныне казачьей эмиграцией.

*) От ред. Мы несколько не ошибаемся, если скажем, что не только вольные казаки (во главе с редактором „В. К.“), но и все вообще казаки, ныне живущие, имя Михаила Чайковского слышат первый раз в жизни, „Преемственности“ между идеями Чайковского и современной вольноказачьей программой фактически нет никакой.

Не отказывая идеям Чайковского в некотором историческом интересе, мы, тем не менее, не можем согласиться с автором настоящих статей и поставить знак равенства между мечтами Чайковского (по сколько мы видим их в данном очерке) и нашей программой Казакии.

ские помещики, в своей усадьбе „надворных“ казаков, но и довел их число до 300 чел. (с атаманом Північним). Память Михаила-Архангела, как покровителя и защитника казачества, особенно почиталась у Глембоцких, и Чайковский был назван Михаилом в честь этого „казачьего святого“. Воспитание Чайковского, по мысли деда, должно было быть казачьим. С ранних лет мальчик приучался к верховой езде, к охоте с соколом слушал украинские думки и казачьи песни казака Левки, придворного баяна пана Глембоцкого. Девяти лет его отдали в частную школу англичанина Вольсея Барда, а затем в Волынский Лицей, в Межиречье Корецком, где Чайковский был учеником Гулака-Артемовского, украинофила и казакофила, и ксендзов, отцов-пиаров, ордена демократического и скорее космополитического, чем национально-польского. Здесь, с товарищами из аристократических донских фамилий, Чайковский окончательно укрепился в своих казачьих симпатиях и впервые пришел к мысли о необходимости объединения всех казаков в одно особое государство. Получив степень бакалавра математики и словесных наук, он был послан в Варшаву, где и окончил университет. Но „коронная“ Польша и Варшава не понравились ему: „там и не пахло казачьим духом“.

В 1829 г. он был избран предводителем дворянства Житомирского уезда, а в 1830 году в Киеве был представлен имп. Николаю I и пожалован в камерюнкеры.

Чайковский был горячим польским патриотом. Он был тесно связан с Казимиром Ружицким, на дочери коего женился, и вместе с ним принял в 1831 году участие в организации польской кавалерии на Волыни, когда в Варшаве вспыхнуло восстание. Адьютант ген. Левашова прибыл в Галичину для ареста управляющего имением Чайковского, а самому ему предложил отправиться в Житомир. Вместо этого Чайковский, оставивши своим крестьянам дарственную запись на землю, покинул (15 мая 1831 г.) свое родовое имение и отправился в странствование, которое длилось 41 год. Вместе с собой он увел в конный полк Ружицкого отряд своих казаков, отчасти наемных, „надворных“, отчасти крепостных из крестьян своего имения.

Эти „бердичевские казаки“, как их прозвали, разделили участь полка Ружицкого, который был отеснен русскими войсками за границу Австрии в Галицию, где и должен был разоружиться. Дольше всех не хотели положить оружие казаки Чайковского.

— „На Дунай! В Туречину“, требовали они от Чайковского. „Там наши братья казаки, там и нам места хватит“... Но подобная прогулка вооруженного отряда через всю Галичину и Буковину совсем не улыбалась австрийским властям, и казаки были разоружены. Сам Чайковский поехал в Париж, где польские эмигранты приняты были с распростертыми объятиями.

Здесь началась новая эпоха в жизни Чайковского.*) Польская эмиграция делится на 2 группы — аристократическую, с князем Адамом Чарторыйским во главе, и демократическую. Чайковский примкнул к первой группе, и на много лет стал партизаном „отеля Ламбер (так назывался дворец кн. Чарторыйского в Париже).

Среди эмиграции Чайковский представлял собою оригинальную фигуру. Вынужденный добывать себе средства к жизни, он стал литератором и публицистом. Но и в повестях, и в статьях он толковал лишь об Украине и о казаках. Уже по дороге в Париж он составил план повести о казаке Михненко, в которой хотел „выяснить связь, существующую с давних пор между поляками и казаками и доказать, какую огромную службу могло-бы сослужить казачество Польше“.

Это и была основная мысль всех дальнейших писаний Чайковского — литературных и публицистических. Подчеркивая для поляков ценную служебную роль казачества в деле освобождения Польши, Чайковский — перед французами затухивал и свое чисто польское происхождение, и свой католицизм, именуя себя то униатом, то даже православным, казаком и даже

запорожским казаком. Он воскликнул однажды, что непременно придет для свидания с каким то католическим прелатом, „чтобы не сказали, что казак испугался иезуита“.

О казаках он читал доклады в „Институте исторических знаний“ в Париже. Секретарь Института сказал, перед его докладом, речь, что Чайковский — „запорожский казак“ и может служить живым примером того, что „науки и искусства проникли в это дикое вольное сословие и что днепровский казак так же хорошо может владеть пером, как и саблей“.

В Словаре Института, а равно в газете Распайля „Reformateur“, в журнале „Revue du Nord“ Чайковский печатал статьи за подписью „Казачий офицер“. Одну из этих работ он печатал даже отдельно („Каково было влияние казаков на литературу, на искусство и цивилизацию вообще на Севере и на Востоке?“ Париж, 1835, по франц.).

Но главную славу в 1830-1840-х гг. создали Чайковскому его рассказы из украинской и казачьей жизни, писанные по польски и частично изданные по французски и по немецки. В 1837 г. были изданы „Казачьи повести“ („Powiesci kozackie“, во франц. переводе в 1857 г.), в 1838 г., по совету Адама Мицкевича, он написал роман „Вернигора“; в 1841 вышел его роман „Гетман Украины“; в 1849 г. — „Украинки“.*)

Свои казачьи рассказы Чайковскому пришлось снабжать и словарем (украинских и русских), казачьих выражений, и историческим комментарием. Из последнего видно, что не всегда сведения Чайковского о казачестве были очень точны. Свое „примечание о казачьем народе“ Чайковский начинал с цитаты из книги Мицкевича о славянах („Salves“, préface, p. X, „Ukraine“): „там (на Украине) родился народ, известный под именем Казаков.“

Составляя смесь из славян, татар и турок, они (Казаки) говорят на языке среднем между польским и русским“. Вряд ли украинцы согласятся теперь с такою характеристикой их языка, хотя бы и из уст Чайковского или даже и Мицкевича!

Далее Чайковский сообщал, что по татарски казак это „человек независимый и живущий грабежом (вроде итальянского „браво““).

Он указывал на „Казакую“ Константина Порфирогенета, на „казаков“ в 1021 году в Тмутаракани, утверждал, что в 1612 г. Заруцкий (казак) претендовал на русский престол, а Разин едва не стал независимым государем над всеми странами северного побережья Каспийского моря. Он отмечал значение и Пугачева. О Доне (с XIV и XV предисловия) он писал, что это „почти республика“ В XIX-м веке донские казаки, „несмотря на свои привелегии, имеют в России очень мало симпатии, как и другие казаки“.

Относительно некрасовцев Чайковский имел по началу очень смутные представления. Он писал (пред. к „Каз. рассказам“, с ХХ), будто бы в 1775 г. против Екатерины II-й восстал атаман „Некрасовец“, против которого был послан Зубов, брат фоворита (!). Чайковский, в доказательство своего казачьего происхождения, утверждал, что их род идет от названия казачьего члена („чайки“). Он настаивал на мысли, что раздел Польши начался еще в половине XVII века отделением казаков, недовольных на Польшу, коей знать отказывала им в политическом равенстве, коей духовенство грозило их религиозной свободе. Посему — заключал Чайковский — восстановление исторической Польши должно начаться со сближения с отклонившимися от Польши казаками.**)

Одной из самых главных вещей, написанных Чайковским в форме беллетристической, является „Вернигора, пророк украинский“, историческая повесть эпохи 1768 года, сочинение М. Чайковского, сочинителя повестей казачьих“, изданная Еловицким в Париже в 1838 году (по польски).

*) „Рус. Стар.“ 1898. № 2 и 3.

**) Среди рассказов Ч. отметим один — на модную среди романтиков тему — „Поход казаков на Константинополь“ („Carogorod“ как пишет Чайковский).

*) См. „Русс. Биограф. Словарь“; восп. Чайковского в „Русс. Старине“ 1895, 1897, 1898 и 1900, и 1904 гг.

В комментариях к I-му тому Чайковский объяснил, что „Вернигора — имя старца, славного по всей Украине. Был он родом из Македан, деревни, принадлежавшей роду Головинских, в молодости ушел в Запорожье“. О нем Чайковский говорит, что Вернигора был послан из Путивля подстрекать украинских крестьян („хлопов“) против панов, но, побывши на Украине, так полюбил шляхту, что „прилепился к ней телом и душой“, был в дружбе с Михаилом Глембоцким, Овручским „войским“, (Чайковский умалчивал, что Глембоцкий был его дедом, но польская эмиграция знала это). Вернигора ездил в Запорожье убеждать казаков поддержать Барских конфедератов, вел переговоры с ханом Крымским, умер в Пархомовке. Об этом казаке ходили легенды и и, как мы знаем, не один Чайковский, но и другие польские романтики сделали Вернигору героем своих произведений. Чайковский воспользовался рассказами своего деда о Вернигоре, об его роли в Колиивщине 1768 г., и рассказал по своему об этом народном движении.

Роман начинается поэтической картиной Украины в окрестностях Чигирина. В степи стоят курганы, „мятники казачьей славы“, ее пересекают татарские „шляхи“, по которым шли когда-то татарские полчища, делавшие свои набеги. По степи едет старый запорожец (Вернигора) и слышит „дикие звуки дикой думки молодцев, воспевающих изначальную свободу, воинские деяния обитателей Запорожья“...

...„Все там очаровательно. О, дорогой край! Кто же, увидев тебя, не полюбит тебя, а, полюбив, не захочет жить и умереть на твоей благодатной земле?!“... („Wernyhora“, 1838, t. I, § 5). Такова дань любви Украине и этого польского романтика, уроженца Украины.

— „Кто-же этот Вернигора?“ — риторически вопрошает автор, — „казак-ли, или лях, неведомо: был в Запорожье, однако сражался и под „коронными“ (польскими) знаменами. Любит казачью вольность, однако братается с польской шляхтой. В церкви поет „Господи помилуй“ и поклоны бьет. Не убегает от католического костела и не плюет на ксендза, служащего обедню по латыни“. Далее оказываются у старого запорожца и такие таланты: „читает книги и пишет письма, как ксендз-ректор базилиан; говорит на восточных языках, как иерусалимский богомолец; ездит то в Царьград („Царогород“), то в Крым; знает, что делается при петербургском дворе, иногда говорит о Вене, о короле прусском“... (I, с. 82—83). Далее оказывается, что Вернигора — видный и тонкий политик, ведет сношения с кавалером Тодт, с графом Виомениль, посланцем французского министра иностранных дел Шуазеля (I, 207—208).

Вернигора и „куренной отаман Сіряківського куреня“ в Запорожье — Некраса, молодой его друг, оказывается в центре разыгрывающихся в 1768 г. на Украине событий Некраса — человек храбрый, без памяти привязан к Польше, ненавидит Москву (I, 303). Екатерина II задумала поднять хлопков против Польши. Она назначает вождя гайдамаков Гонтю гетьманом всея Украины, жалует ему Батурина с округой, возводит в графское достоинство и жалует орден Александра Невского!!! Православный батурицкий благочинный раз'езжает по Украине, подымая хлопков именем Екатерины. Чайковский описывает живописно ночную „клятву на ножах“, впоследствии позаимствованную у него Шевченко.

Хлопы режут и бьют панов (поляков) и евреев. Некраса со своими казаками спешит на помощь и разбивает на голову „хлопство“ и москалей, (ибо вожди гайдамаков — москаль, переодетые украинскими крестьянами). — „Да здравствуют наши избавители, наши братья-казаки“, восторженно кричат поляки. Некраса и казаки, бросая шапки вверх, отвечают: — „Да здравствует Польша! да здравствуют ляхи!“... (I, 123).

Вернигора обращается к побежденным хлопам со скорбной речью: „Бедная Польша! Бедная Украина!... Дети твои дерутся, как пес с котом. Король польский лижет пятки у московской царицы; нет над казаками атамана Сагайдачного. Села и города рушатся, хлоп преступно проливает братскую шляхетскую кровь, и суды щедро будут казнить преступных хлопков“... (I,

145). ...„Лившие взаимно друг друга силы шляхтич и хлоп поддадутся общему их врагу, и Польша будет разорвана на куски... и умрет, наконец, но восстанет из мертвых!“... (I, 146).

— „Панове братья, Ляхи и казаки“, — говорит Вернигора дальше, — „зло деется в нашей матери-Польше, ополчаются на нее и свои, и враги... Надо не дать ей упасть“... Усмирителя гайдамаков — Пулавского Вернигора уверяет, что, если бы его сила, ни одного москаля не осталось бы на польской земле (II, 101).

Вернигора пытается осуществить свой замысел — заменить в Крыму на ханском престоле Максуд-Гирая — Керим-Гираем, провоцировать войну Крыма с Россией, завлечь русских в степь, и ударить им в тыл с Запорожцами. Он едет в Запорожье, побывавши у хана, и держит речь к казакам: „Мать наша Польша вызывает к вам: дети, что спите? разве забыли благоденствия, коими я вас осыпала щедрою рукою, что вы поддались собачьему брату-москалю“... Но хитрый и двуличный кошовый не дает ему увлечь за собой запорожцев (II, 172). Тщетно напоминает Вернигора казакам слова „стятой памяти отца — Мазепы“ (II, 281).

Вернувшись на родину, Вернигора умирает, Пред смертью он говорит: „Я — простой хлоп из Македан, как мог, служил Польше: и хлоп может любить свой край, как и шляхтич“... Вернигора держит пророческую речь. Он предсказывает и разделы Польши, и возрождение царства Польского, и восстание 1831-го года. Он предсказывает, что, „когда Англия сыплет золотом, Франция поддержит, Мусульманин напоит коней в Горыне, поляки восстанут. Первая победа будет в яру Гончарыхи,* вторая у кургана Пята и Перетятина (близ Поволочной), третья у Семи могил, четвертая между Ряшевским (Ржешув) и Яньчем, Днестр окрасится кровью, о пороги разобьются трупы врагов, а от Черного моря до Балтийского, и от Карпат до Низовой степи не будет ни Москаля, ни Немца на польской земле“ (II, 332—334).

Таким образом, Вернигора у Чайковского, это — казак, верный Польше, великий польский патриот, скорбящий о разрыве между Польшей и казачеством, который оказался на пользу лишь общему их врагу — России.

Повидимому в 1837 г. Чайковский все еще не знает, откуда пошли в Турции казаки — „некрасовцы“, потому что — и в его „Вернигора“ — запорожский куренной атаман Некраса, после разорения Сечи, уходит с запорожцами на Дунай в Турцию (II, 344). Вскоре, однако, Чайковский увидел некрасовцев собственными глазами, а мысли его о казачестве получили новое более широкое и, так сказать, более казачье направление.

С литературной точки зрения украинские и казачьи произведения Чайковского очень походили на произведения Гоголя, хотя ни один, ни другой не подражали друг другу. Историк литературы, знающему и любящему казачество, небезинтересно было бы сравнить „Тараса Бульбу“ с „Вернигорой“ или „Гетманом Украины“, а „Вечера на хуторе близ Диканьки“ с „Украинками“ и другими рассказами Чайковского. И там, и здесь идеализация прошлого, буйная романтика, с примесью политической тенденции в сторону всероссийскую у Гоголя, в сторону исторической Польши у Чайковского. Что касается таланта, то, конечно, несмотря на внешнее сходство приемов, нельзя сравнить великого писателя с весьма посредственным, хотя и бойким литератором.

Польская эмиграция с интересом читала литературные произведения Чайковского. Ей приятно было думать, что она имела в прошлом и могла бы иметь в будущем союзников в украинском казачестве, хотя лица, глубже знавшие историю казачества и не ослепленные казачеством, показывали головами и, если не критиковали резко Чайковского, то лишь потому, что думали: „а, вдруг и в самом деле казаки могли бы оказаться

*) Этот яр Гончарыхи, связанный с народными поверьями и поминаемый многими польскими романтиками, как роковой для власти Москвы над Украиной, находился, по словам Чайковского, под Старокопачиным на Волыни.

полезными Польше?! „Белой“ (аристократической) эмиграции не очень-то нравилась демократическая идея казачества, его многовековая борьба за национально-украинское политическое, социальное и религиозное самоопределение, „красным“ казакофильство Чайковского, приверженца „белых“, было подозрительно. Некоторым из последних, (как Милковскому-Ежу, например), вся деятельность Чайковского и его буйно-романтические произведения казались сплошной „гасконадой“.*)

Вся „украинская школа“ польской литературы была и осталась в конце концов, чуждой широкой польской публике (не только познанцам и галичанам, но и „литовцам“ и „коронаржам“ — уроженцам конгрессовой Польши). Даже новейший биограф Чайковского, Шпотаński говорит, что „культура Чайковского была восточная, скорее казачья, чем польская; не будучи православным, он тянул к православию и ненавидел Рим. Чайковский — полу-казак, полу-поляк, окраинный („крестьянский“) шляхтич.“***) В другом месте он пишет, что Чайковский был „рыцарем с фантазией, у которого в душе играли казацкие думы, который мечтал о вольном и бунтовском (!) житье Украины, но не был человеком польским государственным мужем, вождем польского о народа“,***) В том же роде отзывается о нем и польский историк Равита-Гавронський.*)

Естественно, что когда Чайковский стал называть себя „запорожским казаком“, то эмиграция насторожилась, а один из органов ее „Nowa Polska“ стал издеваться над ним. Чайковскому пришлось писать письмо в редакцию другого органа „Kronika Polska“: „Редакция „Revue du Nord“ назвала меня казаком запорожским. Она сделала это с моего разрешения, так как моя семья происходит из казачества. Не вижу причины унижать мой запорожский род. Мои предки так же хорошо служили общей матери — Польше, как и другие обитатели той же земли“ (Украины). Впрочем, Чайковский отказывался принять на себя ответственность за другие искажения и преувеличения редакции.**)

Еще неприятнее пришлось Чайковскому, когда в статье своей во французской газете „Le Constitutionnel“ (от 1 авг. 1836) он хорошо отозвался о русских генералах. Это был уже смертный грех, и „Nowa Polska“ немедленно „излила на него свою ядовитость“, намекая, что Чайковский подготавливает себе амнистию и бежал уже к русскому послу в Париже. Чайковскому пришлось написать в Польскую Хронику“ целых два письма.***) Как мы видим, своеобразная позиция Чайковского в отношении казачества вызвала среди польской эмиграции подозрения, а беспристрастие к русским вообще — прямые нападки.

После 10 лет парижской жизни Чайковский покинул Париж и на 31 год стал обитателем Турции. Причиной его отъезда на Восток была особая миссия, возложенная на него кн. Адамом Чарторыйским, этим польским королем in spe. Агенты его в разных странах были своего рода посланцами и консулами некоронованного польского короля.

Таким „послом“ в Константинополе стал на 8—9 лет Чайковский. Мы расскажем особо о деятельности его и польской эмиграции на Востоке, об организации

*) Французское выражение. Уроженцев провинции Гасконь во Франции считали хвастунами и „гасконадой“ звали хвастовство своими подвигами, храбростью, качествами.

**) Szpotański „Adam Mickiewicz i jego epoka“, t. III, s. 101.

***) Szpotański „Czajkowski w Turcyi“, „Biblioteka Warszawska“, 1911, grudz., s. 477.

*) Rawita-Gawronski. „M. Czajkowski“, Petersburg, 1900; его же „Ostatnie lata życia Ladyka-Paszi (M. Cz.)“, „Studia i szkice historyczne“, t. I, Lwów 1903; его же „Czajkowski i kozakofilstwo“, Przegląd Tygodn., 1886; то же по русс. в „Киев. Старине“ 1886 г.

**) Неопубликованное письмо его в рукопис. отделе Польской Библиотеки в Париже. См. Ur. 328. Dział autogr., t. VIII, lit. C. Письмо к ред. „Krniki polskiej“ (без даты).

***) Тот-же фонд: письмо Чайковского от 16 авг. 1863 и другое без даты (оба неопубл.).

им турецкого казачества, о попытках войти в связь с казаками в России, особенно же на Дону и на Кубани, и о судьбах оттоманского казачества и самого Чайковского.

Здесь мы хотим в первую очередь изложить те основные взгляды его о Казаккии, которые он высказал уже в 1848 году в политических записках, прокламациях и литературных произведениях.

Работая в Константинополе, Чайковский делал попытки поднять против России горские народы, донцов и черноморцев (точнее говоря кавказское казачество). К 1848 году — году февральской революции во Франции и ряда революций в странах Э. Европы — относятся два важных документа, написанных Чайковским. Первый — это докладная записка его кн. Адаму Чарторыйскому по вопросу о русском казачестве, сохранившаяся в архиве Чарторыйских и, к сожалению, до сих пор не опубликованная.*)

Второй — это воззвание к казакам, опубликованное в Париже 12(24) апр. 1848 г.**)

Докладная записка Чарторыйскому посвящена была плану восстания российской казачества, подготовка которого должна была стать делом, главным образом, казак-эмигрантов, проживавших в Турции.

Чайковский предлагал послать эмиссаров из некрасовских казаков на Дон для склонения их свергнуть совместно с Польшею, российское ярмо. Эти эмиссары должны были раздавать прокламации на русском языке со сведениями о польском повстаньи 1831 года, о причинах его неудачи, о шансах рода Чарторыйских на занятие польского королевского трона.

Между казаками, которых он называл по польски „русняками“ (повидимому среди остатков Задунайской Сечи), он советовал выбрать „старых запорожцев“ и послать их на Украину, в Малороссию и в Польшу для проповеди необходимости теснейшего сближения с поляками, для внушения надежд на скорое восстание и мыслей о счастии жить под властью польского короля. В военные поселения и к „наддунайским“ казакам Чайковский советовал послать эмиссаров молодых из польских шляхтичей или даже из простонародья (из „хлопов“) для связи через некрасовских торговых казаков или евреев с тамошними поляками. Далее, надо было выслать эмиссаров на берег Азовского моря, где около 3.000 запорожцев***), восплемнить их дух песенками (piosenkami) и рассказами и действовать через них на казаков Черноморских, коих имеется 21 полк.

Далее хотел Чайковский настроить сербов против России и Австрии. Советовал собирать по Франции польских офицеров-кавалеристов, которые впоследствии должны были подготовиться из казаков унтер-офицеров, и создать таким образом надежный (в смысле польского дела) командный состав для казачьих войск.

В надежде своих Чайковский опирался на 1.000 некрасовцев и 4.000 русняков“. Он требовал непременно пред войной опубликования грамоты казачьим войскам с привилегиями для казаков и прокламаций „к панам, попам и хлопам“ с обозначением выгод каждому, кто пойдет на повстанье. Отряды некрасовцев и „русняков“ должны были стать организаторами восставших провокаций.

Кн. Ад. Чарторыйский положил резолюцию: „Пусть только Дон, Сербия и славянство („словянщина“) будут готовы, а в связи с этим, могу сказать, и вся Поль-

*) Muzeum Czartor., manuscrit № 5384, Kraków.

**) Исполнено литографски, в 2 столбца, по русски и по французски. Экземпляр его, хранящийся в Парижской Национальной Библиотеке был открыт и опубликован в 1912 г. Бурцевым в № 14 его заграничного журнала „Былое“ („Прокламация 1848 г.“, с. 66—69). Перепечатано полностью (русс. текст) в книге проф. Сватикова „Россия и Дон“, 1924, с. 336—8.

***) Чайковский говорил здесь о т. н. Азовском казачьем Войске, образованном в 1828 г. из т. н. Задунайской Сечи, введенной в Россию атаманом Гладким. См. о них: „Зап. Сечь на Дунае“ „Р. Стор.“ 1900, март; 1881, февр. (о Гладком); статьи Рябинина-Скляровского в „Україне“ № 17 (1926 № 23); 34 (1929); 36 (1929).

ша двинется"... Чарторыйский потребовал от Чайковского уточнения, в чем же должны состоять обещаемые казачеству права и преимущества, а равно и те, которые надо дать разным сословиям Украины и Новороссии, кои примкнут к восстанию.

Нам понятно, почему Чайковский хотел объяснить Дону значение польской революции и привлечь к польской борьбе за политическую свободу и национальную независимость казахи симпатии. Но уж очень наивной кажется его мысль заинтересовать донцов шансами рода Чарторыйских на польский престол. Впрочем, он был агентом кн. Адама, монархистом, и к тому же хотел сделать свою "казачью идею" приемлемой для "белой" эмиграции. Интересно отметить, что почти все требования Чайковского насчет изъявления благоволения к казакам и к украинскому крестьянству были исполнены кн. Адамом семью годами позже, но не в форме манифеста к казакам и народу Украины, а в форме речи кн. Адама 3 мая 1855 г. в историческом обществе.

Вне всякого сомнения докладная записка Чайковского была подана до февраля 1848 г. В мемуарах своих*) Чайковский писал об этом времени: "после неудачи с черкесами, — на Кавказе можно было действовать [против России] только совместно с черноморскими, азовскими и линейными казаками. На первых можно было действовать историческими воспоминаниями о бывшей Сечи, а на линейных казаков политическими идеями и старообрядчеством".

Чайковский рассуждал: "Если в нашу программу не входит план совместного действия с казаками, то не для чего посылать и агента на Кавказ!". Турецкие сановники соглашались с Чайковским и были готовы помочь ему в его планах насчет казаков. Владислав Замойский сумел убедить Чарторыйского воздержаться и, с своей стороны, писал Чайковскому: "нам не следует, под страхом впасть в самый тяжкий смертельный грех, входить в какие либо сношения с черноморскими или азовскими казаками, которые, в силу религиозных и исторических традиций, суть враги католичества и Польши. Если бы они даже подняли оружие в защиту Польши, это могло-бы только погубить ее, так как они не захотели бы принять католическую веру, а стремились бы обратить Поляков в православие". Повидимому, Замойский опасался влияния казаков на пробуждение национального самосознания среди украинского крестьянства. Он советовал Чайковскому непременно поддерживать сношения с Кавказом и поощрять горцев к нападению на русских.

Затем от Замойского приехал в Константинополь Гордон с инструкцией — отнюдь не входить в деловые или дружеские сношения с черноморскими, азовскими или линейными казаками, постоянно воевать с ними и не иметь с ними ничего общего".

Чайковский воспользовался французской революцией 1848 г., чтобы осуществить свою идею воззвания к донским казакам. Текст его, повидимому, был им написан по-польски и по-французски**) и прислан в Париж, где его прескверно, с типическими для поляка ошибками, перевели на русский язык и отлитографировали.

Прокламация не была никем подписана. Какие-то безименные "мы" обращались со своим словом к храбромому "народу", донским казакам из столицы Франции "в тот момент, когда свободная Франция приветствовала все народы мира во имя братства и христианской свободы".

Прокламация напоминала донцам реакционную роль, которую заставляла их играть "тирания и деспотизм", бросившие их против свободы других народов и цивилизации. Она напоминала им о судьбе казачьих вольностей и объясняла "хитрой политикой деспотизма" тот факт, что не все вольности были им окончательно

*) „Русс. Стар.“ 1898, № 8, с. 446.

**) Чайковский, кроме родного польского, знал отлично французский и украинский, очень посредственно русский и плохо турецкий. Записки свои, живя под старость в России, он написал по-польски с обычной своей живостью.

уничтожены. Далее шло обращение к славянскому национальному чувству донцов. „Царь московский — немец, Гольштейн-Готори, а не Романов, каким себя именует; он отдает донцов под команду немцев — Граббе, Бенкендорфа, Засса, Фрейтага; те водят казаков против народов, которые казакам ничего не сделали и которые будут их друзьями больше и лучше, чем Московиты“. Немцы, проливая казачью кровь, добывают себе деньги и почести, а царь преследует казачью староверческую религию и ссылет казаков в дальние края. Немецкая сволочь и сами Московиты третируют, как низших, донцов Платовых, Власовых, Сысоевых, Орловых, Иловайских, Мартыновых, Дмитровых и пр.

Как видим, автор перечислил представителей главнейших аристократических фамилий на Дону (кроме Ефремовых). Кое-кого из Платовых, Орловых-Денисовых, Грековых, Иловайских Чайковский знал лично еще в кременецком лицее и позже в юные годы в среде офицеров донских частей на Волыни. Эти фамилии находим мы в его мемуарах и, как мы увидим дальше, в замечательном его рассказе „Странствующий казак“ („Козак-вендровец“), эпоху и опубликованном в 1857 г.

В этом рассказе Чайковский упоминает „полководцев“ донских: „Иловайских, Платовых, Орловых, Ефремовых, Сазоновых, Фоминых, Чернозубовых и т. д. Все это „кость от кости, кровь от крови — родимые донцы“, но ведут они свои полки под команду „Зассов, Фрейтагов, Бринкенов, Филиппсонов, этих немцев-командиров и военных заместителей Славянского Царя...“*)

Помимо этого, многие другие признаки указывают, что основной текст воззвания писан рукою Чайковского.

Далее, в прокламации, он снова называл донцов „народом“ (peuple belliqueux), призывая их откликнуться на призыв западных народов, „протянуть одну руку их братьям по племени — Полякам, а другую — Черкесам, борющимся с такою доблестью и упорством за свою независимость“.

Главная политическая мысль воззвания заключалась в призыве: „позовите к себе всех казаков и вы будете в состоянии создать Государство достойное уважения, которое будет обладать пространными землями и морями, которое будет процветать в благоденствии и славе“, эта идея объединения всех казаков в одно государство и отторжения его от России, идея нынешней Казаккии!.

„К оружию, к оружию, воины Дона, Урала, к оружию, Казаки, — восклицал Чайковский, не поминая здесь кавказского и азовского казачества, (к которым, очевидно, должно было обратиться в другом тоне, с напоминаниями о Сечи Запорожской). Целью восстания должно было быть: „идти против царя-тирана; вернуть свободу самому народу Московитов; освободить от преследований „старую веру“, веру казачьих предков“, и — очевидно — создать независимое казачье государство.

Мы привели главнейшие места прокламации в переводе с французского на современный русский язык, до того нелеп и смешон тот яко-бы русский язык, на который „перепёрли“ воззвание Чайковского его парижские друзья. Русский текст воззвания способен вызывать смех читателя, мы же трактуем его, как серьезный политический документ, который должен занять видное место в истории идеи вольного казачества в XIX веке.

Написанный представителем аристократической Польши, этот документ был адресован, по существу, не ко всему казачеству, а к донской аристократии, проникнутой национально-славянскими, казачье-автономистскими идеями. В воззвании нет ни слова о положении рядового казачества, тем более донского крестьянства.

Зато идея казачества, как нации политической (не этнологической), идея политической и религиозной свободы и государственной независимости выдвинуты весьма отчетливо. Впервые, после наивных казачьих заяв-

*) „Wędrowiec Kozak“, „Kozaczyzna w Turcyi“, Paryż, 1857. s. 379.

лений XVII-го века о естественности общего „совета“ и общих выступлений казачьих республик*), мы встре-

*) Напр. объяснения донцов 1685 г. что „писали к нам они, Запорожцы, о своем совете и любви, чтоб река с рекою межь собою совет и любовь имели и о всяком деле ведомость чинили...“ „Дополн. к Актам Ист.“, т. XII, с. 287. Или заявление Булавина о „со-

чаем ясно и отчетливо выраженную мысль о казачьем государстве (из донских и уральских казаков, во всяком случае), о союзе свободных казачьих республик. В дальнейшем мы увидим, какими способами пытался Чайковский претворить в дело свои политические замыслы насчет Казакии.

в всех рек войсковом совете“ Сватиков „Россия и Дон“, 1924, с. 142.

С. Савельев.

Умным Куликам, стыдливым Макухам, Шкурам, Соламахам и прочим „ловкачам“.

Попал мне в руки июльский номер журнала „КК“, который так расточительно целиком „посвящен“ Вольному Казачеству, каковое „посвящение“ состоит исключительно из длинной цепи лжи, инсинуаций, генеральской угрозы поркой, а вместе с тем блещет полным отсутствием какой-либо идеи. Логика авторов статей „КК“ недалеко ушла от логики медведя, а тон их — в пору извозчику.

Говорят, пример заразителен. Будем надеяться, что пример высокопоставленных особ из „КК“ не заразит вольных казаков и они в своих выступлениях-возражениях проявят больше логической последовательности, культурной зрелости и не будут прибегать к помощи их извозничьего жаргона.

Собственно, совершенно не стоило обращать внимания на писания „КК“, суть коих сводится к тому же голословному, ни на чем не основанному утверждению, что ВК, мол, продолжилось какому-то иностранному государству за какие-то фантастические миллионы. Эту жвачку вот уже пятый год пережевывает ген. Богаевский. Это же непривлекательное занятие ныне пришлось по вкусу „сливкам“ из „КК“.

Бывают люди, органически неспособные поддаться животворящей силе идеи, а потому ко всяким явлениям жизни подходящие с точки зрения коммерческого расчета. Не с желанием разбираться в идее, движущей данным явлением, а только с вопросом: что сие стоит?

Так и тут. Вольноказачья идея все больше распространяется, число ее последователей все больше растет. „Авторитетным“ людям угрожает опасность остаться у разбитого корыта с одним только собственным сомнением. И вот люди, с пышной внешностью, с коммерческим нутром, лишённые способности уразуметь силу идеи, оставаясь верными себе до гробовой доски, удивленно спрашивают: что за оказия такая, чем это объясняется, какие причины, сколько же это дело стоит? И, беря в пример самих себя (известно, что каждый о других судит по себе), они начинают делать коммерческие исчисления, делают так сказать „оргвыводы“.

Сколько раз самым категорическим образом опровергнуло ВК эти сказки о миллионах, якобы, им получаемых от иностранного государства! Очевидно, это дело бесполезное — противники все равно будут продолжать их пережевывать. Да в конечном результате, ничего зазорного и преступного нет в том, если ВК на дело борьбы за свободу и счастье начнет получать материальную поддержку извне. Мало того, без такой внешней помощи нам не под силу такая борьба. Еще: Казачество, ведя борьбу за свою независимость на своей территории, уже получало такую внешнюю помощь, упорно добивалось ее, просило иностранные государства. Будет оно просить и в будущем. Неприятно лишь то, что приходится вести спор, в котором сановные казаки с пеной у рта доказывают, что Казачество безидейно и продается оно оптом и в разницу, а вольные казаки обязаны доказывать обратное, что получение поддержки (и моральной и материальной) со стороны внешнего мира (практикуемой и распространенной везде и всюду) не есть „купля-продажа“, а является политической работой, основанной на идейной солидарности, взаимной политической заинтересованности.

Если я взялся за писание настоящей статьи, то не для того, чтобы вести совершенно бесполезный (к тому же неприятный для читателей-казаков) спор с „КК“, а только для того, чтобы отметить некоторые „выкрутасы“ почтенных публицистов из „КК“.

„Посвящение“ начинается с рассуждения некоего Кулика, который нудно повторяет все то, что давно и при том гораздо лучше высказывал хотя бы тот же самый Мельников. Поэтому я совершенно не буду с ним спорить, а отмечу лишь следующее место из его рассуждения: „пользуясь усталостью казачьего духа, ловко задевая больные места казачьего самолюбия и гордости, им (вольным казакам) удалось за последнее время до некоторой степени взбудоражить умы неустойчивых, или не сумевших разобраться в сути дела казаков. Это движение (ВК), как и всякое новое, модное, навербовало себе сторонников, прежде всего среди пылкой, экспансивной, полной жажды деятельности, неискусной в житейских делах казачьей учащейся молодежи“.

Чрезвычайно ценное свидетельство противника о том, что ВК имеет большой успех среди казаков, а особенно среди „казачьей учащейся молодежи“, ибо, ясно всем, что будущее Казачества принадлежит не общественным скопцам, творческую идею отвергающим, из шашки и эплетов кумир себе создающим, а живой, идейной, просвещенной казачьей молодежи.

Желая вывести ВК „на чистую воду“, г. Кулик далее раздражается такой, например, сентенцией: „ни для кого ведь не секрет, что проект об отделении казачьих областей от России дело рук не ваших, г. г. руководителей ВК, а что вы являетесь только исполнителями воли пославшего вас“.

Браво, прозорливейший мой собрат, умнейший мой Кулик! Вы сказали святую истину, но истина эта свое поражающее острие направляет не против ВК, как того вам хотелось, а против кого-то другого.

Да, отделение Казачества от России, действительно, дело не наших, вольных казаков, рук. Это — дело давно минувших времен и дело всего Казачества. Для этого только стоит немного ознакомиться с казачьей историей, но только без непременно, свойственного Куликам, желания ее исковеркать. Например, Донское Казачество ровно 14 лет тому назад уже отделилось от России, объявило себя самостоятельным государством, приняло свою государственную Конституцию, ст. 1-я которой сласит: „ВВД есть самостоятельное государство, основанное на началах народоправства“; своим государственным гербом оно избрало „старый герб до-Петровского Донского Казачества“ (ст. 45-я Конституции ВВД), когда Донское Казачество было ни от кого независимым государством.

Да, отделение от России Казачества дело рук не вольных казаков, а исторический факт, не подлежащий оспариванию. Об этом неоспоримом факте ясно и недвусмысленно писал и ныне живой Донской Атаман Богаевский, когда он находился „в здоровом уме и твердой памяти“: „Всевеликое Войско Донское, уже существовавшее как самостоятельное государство с 1570 по 1645 год, в настоящее время отделившись от сов. России, объявляет себя вновь самостоятельным, ни от

кого независимым, окончательно определившим себя и суверенным государством“.

Как видите, г. Кулик, идея о независимом казачьем государстве, действительно, родилась не в эмиграции и не в голове вольных казаков, а еще там, в Родных Краях и в „голове“ всего Казачества.

Да, вольные казаки, действительно, являются „исполнителями воли пославшего вас“. Только Кулик бесчестно поступает, когда утверждает, что их послала на это дело какая-то „держава покровительница“ и им, вольным казакам „за это хорошо платят“.

Нет, дорогой станичник, вольные казаки работают не потому, что им „хорошо платят“, а продолжают то дело, какое мы все вместе делали там, в Родных Краях, выполняют свой долг перед Казачеством, свою присягу, данную Казачеству „быть верным и неизменно преданным ВВД, своему Отечеству“. Их послала на это дело не „держава-покровительница“, как вам это мерещится, а еще Войсковой Круг, который в своем Указе к Донской Армии (в которой почти все мы состояли) в 1918 году призвал нас: „Войсковой Круг обращает свое слово к тем бойцам, которые героически боролись за целостность родного Дона, за свой родной угол, никогда не шатались духом и стойко держатся поныне, веря в правое дело Казачества... Войсковой Круг выражает твердую уверенность, что в грозный и ответственный нынешний час родные защитники Дона приложат все усилия для выполнения единой задачи, высокой и святой — для ограждения чести Дона, для защиты достоинства имени казачьего“.

Думается, что и для Куликов станет ясно — кто вольных казаков благословил на их работу и чью они волю исполняют. Они исполняют „единую задачу, высокую и святую“... „защиты достоинства имени казачьего“. И не вам, сложившим лапки и заискивающе примостившимся у барского стола в ожидании хлопка по плечу и снисходительной похвалы, указывать пальцем на вольных казаков, выполняющих „высокую и святую“ задачу.

Кулик похвывается, что вольные казаки свое дело облекли „в идейную оболочку, придали ему привлекательный вид (спасибо ему и за это признание. СС) и думают на эту приманку ловить наивных казаков“, но что его, умного Кулика, ни на какую приманку, мол, не поймаешь. Он привык отворачиваться от всего привлекательного, красивого, привык жить не рассуждая, действовать под палкой. Таким он хочет умереть. И верно — горбатого могила только исправит. А духовный горб хуже физического, ибо последний заставляет гордо поднимать голову, а первый — ее низко клонить, вплоть до грязного болота.

Я только должен сказать, что вольным казакам не было надобности много трудиться для придания своему делу идейной оболочки и привлекательного вида. Они были готовы. За эту идею, за ее привлекательный вид наши далекие и ближайшие предки кровь свою проливали, жизнь свою отдавали. Эта „идейная оболочка“ тем то и крепка, что создана она из казачьих костей, тем то она привлекательна, что разукрашена казачьей кровью.

Подкупающей силе этой привлекательной идеи поддаются все казаки, в ком еще горит „казачья искра“, кто не собирается казачью хату променять на московскую избу, кто не собирается казаков превратить в „лапотников“...

За Куликом выступает ген. Шкуро, звериной ненавистью исходящий к тем, „кто вооружен перьями, карандашами и языком, здорово шлепающим“, нежную любовь питающий к „шашкам и винтовкам“, типичный „идеолог“ порки.

Само собой разумеется, качество рассуждений Шкуро не выше Куликовского. Можно сказать, два сапога — пара. Пожалуй, Шкуро более определен. Он рекомендует себя врагом „г. г. учителей и прочей интеллигенции“, которые, по его „авторитетному“ мнению, только и способны „ругаться, брехать, спорить, митинговать, выносить резолюции и постановления“. Он выставляет себя решительным противником работы ума,

мысли, „вырабатывания интеллигентской и прочей идеологии“. Он — сторонник действия без рассуждения, вслепую: над всеми — ничего не видящий Шкуро, под ним — ничего непонимающая, не рассуждающая казачья толпа, беспрекословно идущая туда, куда прикажет Шкуро „с шашкой и винтовкой в руках“.

Как раз в эти дни я читал статью г. Обитателя, в которой говорится следующее: „говоря без символов — очарование политических программ современной молодежи в призыве действовать не рассуждая. Отсюда и необходимость в вожде, единственно-рассуждающем и отдающем приказы. Идеал чисто солдатский, чрезвычайно удобный, дающий право на праздность мысли и невежество, допускающий отбор по признаку физической силы и способности подчиняться беспрекословно чужой воле. Для личности мыслящей такой идеал глубоко отвратителен“.

В этих строках замечательно отчетливо выявлен весь духовный облик и вся несложная „философия“ разных Шкур. Замечательно тут противопоставить: русская эмигрантская молодежь возненавидела своих „стариков“, за то, что они мыслят, и требует „действовать не рассуждая“. А казачьи эмигрантские „старрики“ не возлюбили свою молодежь за то, что она старается мыслить и работать умом. Явление чрезвычайно характерное!

Досадно, что люди за десять лет спокойного размышления в эмиграции ни до чего так таки и не додумались. Впрочем, ничего удивительного в этом нет. Есть же до сего времени в русской эмиграции целая группа людей, которые полагают, что в 1917 г. жизнь народов и Рос. Империи прервалась на известной точке и на ней так и остановилась; с тех пор ничто, мол, не изменилось. Поэтому, нечего себе ломать голову работой ума, мысли. Вот падет в один прекрасный день большевизм, мы придем туда и начнем по-прежнему управлять страной согласно статей X-го тома гражданских законов.

Ничего удивительно нет в том, что если мыслительный аппарат со всем его содержимым у ген. Шкуро законсервировался в том состоянии, в каком он был в 1920 году: у меня „волчата“, я — старый волк. Скомандую — шашки вон, пики в руки и марш на врага. Руби, коли, а за что и про что — там видно будет.

Приблизительно таков ход мысли у Шкуро и теперь. Он не в состоянии понять силу идеи, не может проанализировать причины нашего поражения. А между тем такой анализ может дать очень много. В самом деле, в период борьбы с большевизмом мы были на своей территории. У Шкуро были герои-„волчки“, беспрекословно слушавшие его приказы, безропотно шедшие на смерть. Было снаряжение, было вооружение, были средства, было и многое другое, у всех нас была молодость, лихость. А что мы со всем — только со всем этим сделали?

Ныне ген. Шкуро, вновь бравлируя шашками и винтовками, выказывая ненависть к интеллигенции, к идеологии, идее, думает начать с того места, где мы были биты...

По нашему коммунистической вере надо противопоставить прежде всего свою казачью веру, их интернациональную идею — свою национальную.

Вот почему ВК, определив свою Родину, перенес на нее свою любовь, ставит и разбирает вопросы идеологического порядка. Изучает казачье прошлое, разбирает настоящее и старается предугадать будущее.

Вот почему оно призывает всех казаков „шевелить мозгами“, требует от них сознательности, идейности, чтобы общим усилием осветить светом разума путь предстоящей борьбы за свою Родину, чтобы в этой разумной борьбе было как можно меньше дорогих нам жертв.

Поймите же, наконец, господа превосходительные, что с надеждой на успех бороться за свободу и счастье Казачества можно и холодным, мертвым оружием, но прежде всего необходимо бороться горячей живой идеей. Для этого нужно действовать не только руками, зрением, но еще больше умом и мыслью. Последняя работа является особенно важной и потому трудной.

Недаром еще Гете сказал: „действовать легче, мыслить трудно“.

Само собой разумеется, что и Шкуро не упустил случая упомянуть о том, что ВК продано „пану полковнику“ и на этом основании готовит всем вольным казакам приятное сердцу боевого генерала наказание — порку. Так и пишет: „просто прикажу вам „знімыть штани, бо вони не винуваті“ и выпорю вас для просвещения мозгов“...

Какое неприкрытое солдафонство, какое умственное детство! Чем не Скалозуб XX века?

Сейчас Шкуро собирается „на смертный бой за освобождение своей чести казачьей, своей воли“, а завтра он может возгореться желанием бороться и за „Единую, Неделимую“, что в прошлом было уже и больше чем вероятно в будущем.

Скажем пару слов о Макухе.

По истине какая то неведомая сила играет злую шутку с казаками, их же руками и устами искусственно создавая политический туман, полную неразбериху. Как будто какая то сила боится, чтобы не создалась в казачьем лагере политическая ясность и на этой ясной программе казаки не объединились бы.

Из всех политических организаций в казачьей эмиграции единственно ВК имеет ясную политическую цель и подробно разработанную политическую программу. Естественно, что эта ясность и прямолинейность привлекла к нему сочувствие широкой массы и оно в течение четырех лет превратилось в серьезное, политически и идейно достаточно выкристаллизовавшееся движение. Оно имеет свой печатный орган „ВК“. Больше четырех лет деятельным его сотрудником являлся и Гнат Макуха, а потом вдруг...

Дело идейной кристаллизации, политической консолидации казачьей массы дело не легкое. ВК — явление исключительно политическое, основанное на идейно-политическом родстве его участников, если хотите оно — партийно политическая организация. Само собой разумеется, в ней, как у всякой политической организации, должна быть строгая внутренняя дисциплина, служащая средством отделения овец от козлиц, своих от чужих. Иначе получилась бы новая политическая путаница, приведшая нас однажды к катастрофе.

Нет ничего удивительного, что редакция „ВК“ обратилась к своим сотрудникам, чтобы они воздержались от сотрудничества в других печатных органах, в ра ж д е б н ы х ВК. В самом деле, какое представление создалось бы у казаков, если деятельные сотрудники „ВК“ стали бы также деятельно сотрудничать в „КК“, „КН“, которые последним словом поносят все ВК, всех вольных казаков?

Но вот Гнат Макуха усмотрел в этом обращении „насилие“ и „бесчестный поступок“, направленный „к разрушению беспартийного Союза Кубанских писателей“ и он, прости Господи, „твердо стоя на платформе вольноказачьей идеи“, переметнулся в „КК“, главной и почти единственной целью которого является ныне борьба с ВК.

А затем, в следующем номере „КК“, он смиренно выпросил место для своего открытого письма“, в котором рассказывается о его „стыде“ за:

а) журнал „ВК“, который был „одним из лучших и серьезнейших журналов среди всех казачьих журналов“, а теперь вдруг, ни с того ни с сего, сделался „помойницей“ и

б) за большевицкие, якобы, поступки белградской вольноказачьей молодежи.

О вкусах не спорят. Журнал „ВК“, регулярно печатающий на своих страницах исторические исследования, публицистические статьи по казачьим „большим“ вопросам и прекрасный литературный материал и только кое-когда печатающий вынужденный ответ своим противникам, для Макухи кажется „помойницей“, а журнал „КК“, не печатающий ни одной деловой статьи по казачьим вопросам, а из своих крошечных 30-ти страниц ровно 18 посвящающий печатанию уличных сплетень, подлинной „базарщины“, кажется ему сосудом, наполненным прекрасной амброй.

Повторяю, о вкусах не спорят. Беспристрастную оценку тому и другому журналу даст будущее. Спорить не будем.

Но вот относительно большевицких действий белградской вольноказачьей молодежи стоит поговорить. Что они там наговорили — я не знаю. Если они действительно позволяют большевицкие выходы, „приемы“, то это, конечно, нехорошо. Этому должен быть поставлен предел. Но вот мне, живущему в другой стране, трудно получить правильное представление об их „приемах“. Приходится судить о них по тому материалу, какой нам преподносят наши же противники, в частности, теперь и Макуха. Но вывод, на основании этих материалов, можно сделать во всяком случае не в пользу Макух.

До сего времени Макуха мне представлялся (хотя я лично не имею чести знать его) человеком неспособным на бесчестный поступок, но вот, судя по тому, как он „передернул“ слова белградской молодежи и на основании этой же самой передержки высказал много „умных“ слов в адрес этой молодежи, мне кажется, что он человек достаточно „ловкий“.

Для наглядной иллюстрации „ловкости“ Макухи приведем подлинное слова белградской в. к. молодежи, за что, якобы, так устыдился Макуха, а также и то, как этот последний их приподносит своим новым читателям.

В „ВК“ № 107 вот что писала эта молодежь: „не имея никаких аргументов, лица нам в ра ж д е б н ы е пользуются клеветой, ложью, ругательствами и доносами и разговаривать с ними впредь мы, казачья интеллигенция, считаем для себя зазорным и ниже своего достоинства“.

А вот как передал их Макуха для того, чтобы напасть на них: „что сравнение их (вольных казаков) с большевиками, что позволяет делат Войсковой Атаман ген. Науменко, является для них оскорблением, а потому они, как казачья интеллигенция, с настоящего времени ни с Войсковым Атаманом ни с Войсковой старшиной разговаривать не будут, ибо это является позором и ниже их достоинства“.

Проще говоря, „лица нам враждебные“, как сказано в статье молодежи, Макуха со спокойной совестью з м е н и л „ни с Войсковым Атаманом, ни с войсковой старшиной“. А между тем тут, выражаясь языком Скалозуба, дистанция огромного размера“.

И на основании этой своей переделки чужих слов, Макуха приклеивает к вольноказачьей молодежи звучные эпитеты: „невоспитанность, мальчишество, кликушество, бессовестность“ и т. д. Как будто искажение чужих слов признак воспитанности, показатель зрелости, совестливости?

Когда Быкадоров перекрашивался, то он тоже первое время оговаривался, что он продолжает оставаться вольным казаком но, „твердо стоя“ и т. д. нашел нужным объединиться с непримиримыми противниками ВК, чтобы вкупе с ними беспощадно обстреливать своих недавних идейных товарищей, ту идею, на „платформе“ которой он еще „твердо стоит“.

Какое же представление от этого может получить ся в голове рядовой казачьей массы? Да очень простое: все, мол, они одним миром мазаны. Сегодня Макуха перебежал туда, завтра прибежит обратно. А все будут доказывать, распинаться перед нами в своей правоте. А мы слушай этих летунов. Не поспеешь за ними. Так лучше совсем никого не слушать!

Вот какой результат может получиться от „превращений“ разных Макух, что требуется врагам Казачества, которым, как воздух, необходимо убить веру казаков в какую либо идею.

Перейдем от Макухи к Соламахе. Но тут дело обстоит хуже, ибо его — с позволения сказать — статья состоит из настоящего перемывания грязного белья и вместе с тем из сплошных дифирамбов самому себе. Трудно такому отвечать. Он с самого начала взбирается на горные вершины и оттуда трубным гласом решительно отказывает всем вольным казакам в праве

говорить об этике, морали, чести и порядочности, потому-де у них „отсутствуют все эти качества“, „у которых такие слабо еще выявились в положительную сторону“ (как будто мораль, честь, порядочность не являются сами по себе, выражаясь языком Соламахи, „положительной стороной“).

Одним словом, по утверждению Соламахи, вольным казакам чужды мораль, честь, порядочность, их душа — пустая бочка. Очевидно, совершенно бесполезно спорить с ним на эту тему. Вообще-то взаимное препирательство на страницах печати на счет аморальности, бесчестности являлось бы из себя неприглядную картину, от чего, надеюсь, вольные казаки сумеют воздержаться. А все же они могли бы ответить ему Пушкинскими строками:

... Да ты чем полон, шут нарядный?

А, понимаю: сам собой;

Ты полон дряни, милый мой.

Само собою разумеется, сей муж не скупится в сильных выражениях в адрес ВК. Но самым замечательным по своей бессмысленности является его пункт обвинения редактора „ВК“, Билого, в шпионстве. Он не моргнув глазом, пишет буквально следующее: „добываемые (в „Войсковом Штабе“, т. е. у Соламахина. С. С.) сведения о казаках вы делитесь с иностранной державой, которая вам за это платит и дает деньги на работу по разрушению вашего же Войска. Значит вы не только шпион, но и предатель своего Войска“.

Я считаю, что все те страшные слова о „шпионаже“ написаны в состоянии „запальчивости и раздражения“, за полным отсутствием какого либо оружия идейного порядка против ВК. Ведь зияющую идейную пустоту при наличии литературной неотесанности ничем иным не заполнишь, как крепкими словцами, сильными выражениями. Пожалеть его надо, бедного человека, и напомнить ему „беда колы пироги начнет печи сапожник“, хотя бы и в полковничьих эполетах.

Другое утверждение Соламахина: „нет более беспринципного типа“, как Билый. Когда читаешь эти его „бросовые“ изречения, то думаешь — наверно человек задался целью выставить себя в самом незавидном свете. В самом деле. Стоит опять задать себе вопрос, кто же является „принципным“ человеком: тот ли, кто всю свою сознательную жизнь проповедует одну и ту же идею, стоит твердо при одном убеждении, или тот, кто в голове своей никакой идеи не имеет, убеждения меняет, как кокетка перчатки, одновременно ставит свечку и Богу и чорту, потихоньку получает от своих политических противников деньги?

На первой позиции, плохо-ли, хорошо-ли, стоит Билый, на второй скользкой плоскости танцует Соламахин и все же, скользя и лавируя, указывая на твердо стоящего Билого, вопит: ты — беспринципный, ты ничего не делаешь, ты бездельник, а вот я, я — „Походный Штаб“, я — „Войсковой Штаб“, я — „Кубанское Войско“... — Поза, достойная ловкого полковника; претензия, достойная пустого человека! И ему Билый с полным правом мог бы ответить Пушкинскими строками:

Ну, так, я празден, я без дела,

А ты бездельник деловой.

Я не думал так много посвящать Соламахинским „писаниям“, собиравшись ограничиться только двумя моментами. Но, как говорят, аппетит приходит с едой. Так и я, прежде чем добраться до своих „моментов“, целую страницу исписал.

Первый из этих „моментов“, это его, Соламахина, действительно, преступная, с точки зрения общеказачьих интересов, политика, так выпукло проявившаяся в его писании. Именно: его забивание клина между Донцами и Кубанцами.

Оказывается, донцы Кундуюцков и Поляков ездили в Шабакскую станицу для собеседования с казаками. И за то, что они поехали туда, не спросив г. „Начальника Штаба“ Соламахина, последний возмущен и, назвав их „товарищами комиссарами“, пишет: „что за опекуны появились над Кубанцами? На каком основании Донские казаки вмешиваются в жизнь Кубанского Войска(?)... Ну, не верх ли нахальства такая мальчишеская

дерзость“. Поэтому, наш мертвый „блуститель“ интелесов Куб. Войска, исполняя свой „долг перед Войском“, раскрывает глаза „заблудившимся Кубанцам“, ставшим „слушать и принимать у себя в станицах“... донцов. И сердце г. „Начальника Штаба“ жаждет, чтобы впредь между донцами и кубанцами установилось такое взаимоотношение, когда они будут друг друга в шею гнать.

Одним словом, „разделяй и властвуй“, чтобы не было между казаками братского взаимоотношения, чтобы не было между отдельными Войсками ладу, единства. Кому это интересно? Очевидно, кому угодно, но только не Казачеству! Чья это политика? Тоже ясно. Для этого только стоит вспомнить то, что было в 1919—20 г. г. в наших Родных Краях.

Затронутый и так глупо поставленный Соламахиным вопрос является одним из „больших“ и важнейших вопросов. Не следует закрывать разными словесными тряпками те язвы, бывшие на нашем теле, кои явились и одной из причин нашего поражения, а нужно о них говорить, обнажать и разумными средствами стараться их излечить. Нужно отбросить ложный стыд и называть вещи собственными именами.

Ни для кого не секрет, что одной из причин нашей неудачи в недавней нашей борьбе было отсутствие искреннего согласия между двумя наибольшими Войсками. На этих „разногласиях“ построил всю свою политику подчинения казачества и ген. Деникин.

Так было в прошлом. Так будет и в будущем, если казаки отдельных Войск не перестанут фрондировать друг перед другом, если они с открытой душой, с искренним братским чувством не подойдут друг к другу, не установят единую, спаянную казачью семью, где будут прежде всего только казаки — граждане свободной, независимой Страны Казаков — Казаккии.

К счастью, в эмиграции это старое взаимное отчуждение постепенно стало преодолеваться; хотя медленно, но казаки разных Войск стали сближаться, стали возникать общеказачьи организации, где каждый казак стал чувствовать в своей родной казачьей семье.

Там, в Родных Краях, общая беда, внешний жестокий гнет заставили казаков забыть прошлые недоразумения и объединиться в единую казачью семью по призыву „казак“.

Это и есть залог того, что рано или поздно единая братская казачья семья создастся. Но это медленно здесь, мучительное „там“, но все же верное казачье сближение встревожило блаженный сон г. „Начальника Штаба“, (он же начальник „Походного Штаба“, он же „Войсковой Писарь“, он же „начальник Разведывательного Отдела, он же редактор журнала, он же...) и он выдвигает на арену весь свой „авторитет“, все свои титулы, чтобы с их помощью воздвигнуть между донцами и кубанцами духовную „Китайскую Стену“...

Кому это надо? Очевидно, не казакам, не Казачеству. Для чего Соламаха берется за такое разрушительное дело? Очевидно, исполняя волю посланного его. А кто может послать его на такое гнусное дело? Очевидно, те, кто думает проредеть с Казачеством свой прошлый опыт: бить и расправляться с каждым Войском в отдельности — одних из за угла убивать, других — на плаху поднимать безнаказанно...

Вот за такую работу кое кто может платить...

„Еще одно последнее сказание и лотопись окончена моя“ о Соламахине.

Для ознакомления читателей „ВК“ с Соламахинским „стилем“, приведу целиком один большой абзац из его статьи.

„Таким образом (из предшествующего текста совершенно не видно — каким это образом. С. С.) „Вольное Казачество“ в глетворных руках г. Билого превратился в последнее время в очаг заразно-удушливых газов, сеющих (раньше, обычно, люди сеяли, а теперь, по Соламахину, и газы стали сеять. С. С.) между казаками взаимную злобу, ненависть, провокацию, разнузданность, смуту, ложь, непочтение к старшим, неуважение и угрозы старикам, анархию и поощрение разрушительных устремлений молодого поколения“...

Бог же ты мой! Чего, чего он тут только не нагромоздил? Чем не „стиль“, чем не писака, достойный быть причисленным к Гоголевским героям!

„И плоды такого „просвещения“ (проповеди идеи В. К. С. С.), к большому сожалению, уже начинают сказываться. Некоторые из обманутых вами вольных казаков начинают пожирать эти плоды первыми: одних исключают с работы, других лишают пособий, третьим угрожают лишением стипендий. И т. о. казаки вынуждены бросать насиженные места и идти куда глаза глядят, чуть ли не с сумой по миру. Этого ли вам хотелось?“ — выпаливает Соламахин, очевидно, в качестве последнего и сильнейшего аргумента против В. К., а затем советует редактору скорее закрыть свой журнал „дабы не вырывать у зарубежных казаков последнюю корку насущного хлеба, как это делает сов. власть в СССР“ (вот логика!).

Непристойно присутствовать при публичном самосечении взрослого человека, а как раз этим самым и занимается наш бравый полковник. Ведь весь этот свой монолог, свой главный „козырь“ он выставил для того, чтобы хоть как нибудь притянуть за волосы вольных казаков к большевикам, уподобить их деятельности практике сов. власти, а получилось как раз наоборот: он сам себя выдал с головой, обнаружив полное тождество метода своей работой с практикой большевиков. Вед для того, чтобы связать кого нибудь с кем то, недостаточно голословного заявления хотя бы „самого“ Соламахина, а нужны какие-то факты, какие то „роднящие“ признаки. Разберем эти признаки, чтобы выяснить, чья же деятельность „роднится“ с практикой большевиков?

Сов. власть всех не-коммунистов лишает права на

работу, права учиться? — Лишает. А что обещает Соламахин и Ко? За проповедь вольноказачьей идеи они, по их же признанию, вольных казаков: „одних исключают с работы, других лишают пособий, третьим угрожают лишением стипендий“. — Это раз.

Сов. власть свободу совести ненавидит? — Ненавидит. А Соламахин и Ко всякую живую идею не переносят? — Не переносят. — Два.

Большевики всех своих противников обирают, по миру пускают, в Соловки ссылают? — Обирают, ссылают. А что делают Соламахин и Ко? По их же собственному признанию, они вольных казаков вынуждают „бросать насиженные места и идти куда глаза глядят чуть ли не с сумой по миру“. — Три.

Большевики, при помощи силы, последний кусок хлеба у всего населения отбирают? — Отбирают.

А Соламахин и Ко, путем увещаний, с помощью „авторитета“, а иногда и угрозой атаманским проклятием последние копейки у казаков собирает? — Собирает. — Четыре.

И т. д. и т. п.

Вот вам убедительные факты и признаки (а не голословные заявления!) Нет, Соламахину никогда не удастся свой порок под шумиху незаметно подsunуть вольным казакам.

Факты криками не устранишь. Живую идею пустой бочкой не убьешь. Правду ложью не победишь.

Вывод: живая идея и правда у В. К. Пустые бочки и ложь у его противников. Значит В. К. победит.

Да здравствует В. К.!

А. Т. Жуков.

Ярмарочный балаган под фирмой „К. К-а“.

Основанием „политической тактики“ Соламахина, фундаментом, на котором он намерен созидать „свое родное Войско“, служат: невежество, обман, угрозы, ложь и провокация. На этих именно китов, как на свою опору в борьбе с противниками, „КК“, главным образом, и полагается.

Доказывать сей очевидный факт излишне. Незадачливый „уредник — издавач“ при помощи своих сотрудников, постарался сам продемонстрировать своих „китов“. В последних номерах „КК“ мы находим целый ряд изумительных примеров, раскрывающих нам истинную сущность поборников идеи „единой-неделимой“ из рядов Соламахинской казачьей старшины. Стоит только хорошо вникнуть, разобрать написанное, и вся система надувательства станет ясной.

Метод чрезвычайно прост; во всех деталях он напоминает ярмарочный балаган. Перед обыновенным чуделом стоит „директор цирка“ и торжественно провозглашает:

— Осторожно! Ужасное чудовище морское! Длина от головы до хвоста семь метров, а с хвоста до головы — одиннадцать... Может человека проглотить живьем!...

Вы „поражены“ особенно длиной чудовища, но делать нечего: пятак уплачен и надо поневоле соглашаться, да и „директор“ не дает опомниться от „жутких“ впечатлений.

— Взгляните вот сюда, не унимается хозяин балагана, — за стеклом находится страшный зверь, сосущий кровь... увеличен в „сто разов“!.. Большие, отойди, а маленькие — посмотри!

В „кровожадном звере“ Вы сразу узнаете обыкновеннейшую вошь.

Часто, в таком же роде, „уредник Соламахин“ пытается уверить своих читателей, что ему удалось из обыкновенного яйца высидеть сиамакского слона. Вот пример: на стр. 19 („КК“ 110) находим письмо Сиволобова, сокращенный текст коего с сохранением смысла привожу в дословных выражениях:

„Жуков... набросился на ген. Науменко, за его правильное выступление... Он (Жуков) являлся в город

Труа со шпионской целью“ и своим „иудейским языком и грязною рукой“ внес „раздор в Георгиевскую Общеказачью станицу, уведя из нее казаков кубанцев“. Он „устраивал свои доклады пьяной публике (казакам) и был за провокаторскую деятельность... оплеван и вытолкан на двор“.

Далее „повествуется о том, как я требовал от Кубанского хутора извинений, ссылаясь на свой престиж и авторитет, коим пользовался у ген. Науменко.

За сим следует призыв „сплотить свои ряды“ против самостийников, при чем себя Сиволобов величает не иначе, как „мы казаки“. Митинговым способом в адрес вольных казаков сыпится отборнейшая брань наряду с льстивыми речами Атаманам, как „хранителям традиций и казачьей славы“. Сиволобов советует не обращать внимания на самостийников и обещает „по первому зову выступить в поход для освобождения нашей матушки России“.

В заключение, в тон своим учителям, как полагается истинно русскому холопу, Сиволобов раздражается угрозой расправиться с негодными ему лицами: „вернувшись... мы напомним... времена былые и докажем“... Таков зверь, если его мерят по Сиволобовски „с хвоста“. Попробуем теперь нормально померять его с головы.

Кто на кого „набросился“ — не стоит говорить: всем известно хорошо, кроме Сиволобова.

Что касается раздоров в Общеказачьей станице, то таковых я не сеял и кубанцев из нее не выводил, в чем легко убедиться, прочитав первые три страницы „КК“ № 97. Кубанцев увели иные лица после того, как, побывав в О. К. Союзе и у ген. Богаевского, сами лично убедились в некоторых „трюках“; этим лицам даже отказали дать адрес Парижской станицы, хотя подарки благосклонно были приняты.

Впервые я посетил Труа в конце октября п. г., а Кубанский х. образовался в начале августа (см. „КК“ № 99, стр. 16). Вот что сообщил по этому поводу хуторской атаман в письме от 8 августа, адресованном на случайный ресторан „Олимпия“ с надписью на конверте: „прошу пиридать харлантивечу или полк. Жуко-

ву": "...ми сарганизовали чиста кубанский хутар.. А пасиму данашу чтобы я свами установилба ригулярную пириписку Ато у мне нет Вашаво Адрица, прашу пиридать паскарей." В. Бураков.)*

Потом посыпались письма как от членов хутора, так и от членов О-К станицы с убедительными просьбами приехать в Труа. Хуторское правление надеялось этим поднять свой престиж и сгладить нехорошее впечатление после ряда допущенных ошибок (выражаясь мягко). Другие же стремились с моей помощью примирить враждующих, чтобы казаки после разделения станицы не относились друг к другу, как озлобленные враги.

Как в первый, так и во второй приезд в Труа, я встретил со стороны казаков всех В. самый искренний и радушный прием. Правда, в октябре кубанцы сеговали на то, что я не явился прямо к ним, а пошел „на банкет“ к донцам. Но скоро они убедились в неосновательности своей претензии, ибо я не знал, что кубанцы встречали праздник отдельно и потому прямо с поезда попал туда, куда привел встретивший меня кубанец.

На собеседовании присутствовали казаки различных Войск, но не в пьяном виде, как то рисует Сиволобов, и не в общем ресторане, а в отдельном помещении. Никаких решительных политических вопросов не затрагивалось. Речь шла об организационной жизни внутри казачьей эмиграции, о взаимоотношениях отдельных организаций, учреждений и т. д. По поводу некоторых поступков ген. Богаевского я высказался неодобрительно, подтвердив свое мнение документально. Последний вопрос был поднят самими казаками. Других Атаманов никто не касался.

Вторично, в январе с. г., я был в Труа опять таки по приглашению членов О-К ст. и Кубанского х., который даже прислал на дорогу деньги. ... „Решили выписать Вас, чтобы Вы могли прибыть к нам 31 дек. вечерним поездом“ гласит постановление общего собрания Куб. х. А 22 декабря атаман Бураков, тот самый, который, по словам Сиволобова, меня „оплевывал во главе со своим хутором“, пишет мне: „прашу Вас чтобы Вы был Абизателна вчитверг Вечиром самай харошай поизд приходит Втрува б ч. 37 м. Я Вас буду Ажидат Абизатилна“.

На этот раз прямо с поезда я попал на кубанскую „Елку“. Было шумно, весело. В три часа ночи, я — неспящий и не спавший предыдущую ночь сильно утомился и попросил атамана Буракова проводить меня на ночлег к Н. И. Мищенко (нынешний атаман станицы). В этом некоторые хуторяне усмотрели тяжкое для себя „оскорбление“ и наотрез отказались отпустить меня с вечеринки.

— „Если Вы теперь покинете нас и пойдете спать к нашему злейшему врагу, говорили они, — то мы больше вас не признаем и завтра на доклад не придем“.

Ни ссылки на смертельную усталость, ни то, что я уже раньше дал слово ночевать у „злейшего врага“, а у моего однополчанина и соседа по станице, не действовали.

— „Раз мы заплатили за дорогу деньги, возражали мне, — значит, Вы теперь должны нам подчиняться и делать то, что мы прикажем Вам.“

Довод был, как видите, довольно своеобразный, тем более, что хутор состоял в Парижской станице, атаманом коей являлся я.

Деликатно уклонившись от исполнения прихоти подвыпивших людей, я, час спустя, ушел спать к нынешнему хуторскому атаману хор. Орлову, ибо от усталости валился с ног, а утром должен был читать доклад.

На собеседование (их было два) „обиженные“ действительно не явились. Вот и все. Таким образом, все „недоразумение“ произошло не на политической подкладке, как рисует Сиволобов, а как раз, вопреки его утверждениям, на почве чрезмерного внимания к моей персоне. Никто, конечно, ни на кого не „плевал и не вытаскивал на двор“. Эта ложь имеет целью опорочить не только меня, но и всех труанских казаков, ко-

торые, надеюсь, ответят Сиволобову сами за себя, ибо таких гадостей никто из них не делал.

Перед отъездом я вызвал к себе хуторского атамана, писаря и казначея для решения некоторых денежных и иных вопросов, передал членские карточки и в заключение сделал внушение тем лицам, которые проявили себя в очень нехороших поступках и на которых жаловались почти поголовно все. Напомнил им также о неадекватности в отношении себя и предупредил, без всяких угроз, что они должны в дальнейшем прекратить свои трюки и извиниться, или же должны добровольно выйти из состава станицы, чтобы своим поведением не подрывать ее престиж. В противном случае, добавил я, мне придется доложить общему собранию Парижской станицы и тогда их могут уволить, что уже весьма неприятно. Ничего я не требовал, предоставив виновникам избрать себе любой из трех выходов. При этом я категорически оговорился, что мои слова относятся не ко всему Кубанскому хутору, а только к тем лицам, которые плохо себя ведут и сеют кругом раздор и неприязни.

10-го января общий сбор Парижской станицы вынес названным лицам порицание, запросив по поводу их поступков объяснений у хуторского собрания. А ровно три недели спустя поступила новая жалоба. На сей раз официально от Георгиевской станицы. Этот документ (на руках у меня засвидетельствованная копия, подлинник же хранится в делах Парижской станицы) привожу почти целиком:

№ 4, 21 января 1932 года. Труа. Атаману Кубанской станицы. Правление Георгиевской станицы решило просить Вас укротить Кубанский хутор в Труа, который мешает нам жить (мысль относится не к хутору, а к некоторым его руководителям) мирной и спокойной жизнью и заклеить их через посредство казачьей печати за подлые поступки... Мы, Георгиевцы, также с большим интересом ожидали полк. Жуклова, который приезжал по просьбе Кубанского хутора, и они же позволили... оскорбить своего станичного атамана... выйдя из пределов подчинения, утерять совесть казачью, честь и традиции... Мы, как казаки, свидетели всему... не можем быть в стороне и смотреть хладнокровно на подобные поступки... Просим Вас покорнейше вынести им полное порицание и воздать им должное. Сообщаем для сведения, что от предложения Вашей станицы — выслать одного члена хутора в Париж для объяснений, они уклоняются... Примите наш братский казачий поклон.

Станичный атаман Триполин, писарь Сиволобов.

Этот официальный документ составлен, подписан и отправлен тем самым Сиволобовым, который ныне упражняется на стр. „К. К.“.

Почему же в конце января он был солидарен с правлением своей станицы и писал одно, а ровно через полгода, в пик самому себе, бессовестно врет другое? А в этом то и заключается секрет: почему ужасное чудовище имеет от головы до хвоста 7 м. длины, а с хвоста до головы — 11. Это может объяснить только „директор цирка“ или „уредник — издавач“.

Все же Сиволобовский „опус“ имеет для нас свою положительную сторону; он с головою выдает обман и надувательство со стороны наших противников, лишней раз подчеркивает склонность их ко лжи и провокации и наглядно выявляет духовный облик тех, которые особенно кричат на перекрестках о поддержке Атаманов.

Тот самый М. Кулик, который в 1925 г., в качестве товарища председателя самозванного Президиума Кубанской Рады, подписывал постановление о смещении и лишении полномочий Кубанского Атамана (см. „Путь Каз-ва“ за 1925 г. № 52 и 53), теперь за него же ратует, очевидно решив, что за десятилетней давности бессрочное атаманство приобрело законную силу.

Вчера Соламахин, Макуха и др. пели одни песни, а сегодня поют другие; в январе Сиволобов „заклеил подлые поступки“, а пять месяцев спустя сам под ними расписался. Так теплая компания „поднимает престиж“ атаманской власти.

В заключение скажу два слова Сиволобову.

Подлинные письма и документы редакции переданы.

— Любезный, Федор Михайлович (я даже вспомнил Ваше отчество), из „КК“ я убедился, что Вы весьма „способный“ малый и мне хочется спросить Вас об одном: не Вы ли это подделывали мою подпись и фабриковали письмо для г. Мельникова, чтобы опорочить меня перед ген. Науменко? Судя по всему, Вы мастер „на все руки“.

Говоря о Гоголевском Остапе и Андрии, Вы, кажется, угрожаете Андрию и считаете себя Остапом. Это большое заблуждение, милейший Федор Михайлович. Никогда в жизни ни Остап, ни его батько Тарас не выступали и не выступили бы „по первому зову за магушку Россию“, потому что у них была своя ненька, а превыше всего свое родное Запорожское Казачество; за него то они храбро сражались и только за него

геройски шли на смерть. тогда как Андрий, по слабости своей природы, подобно Вам, изменил Казачеству и был судьбой наказан. Плохо Вы читали „Тараса Бульбу“, поэтому, ругая нас, Вы сами бессознательно тянетесь к идеалу вольных казаков — хотите стать Остапом, но этого Вам не дано; Ваш удел — холопство, ибо лжец всегда труслив и рыцарем Казачества не будет никогда.

Вы хотите всех нас усграшить, называя себя старым волком, пыгаетесь создать себе рекламу „нужного зверя, но.. увы! Мы на вещи смотрим прще и без всяких стекол, а потому и видим, что за Вами кроется не „страшный зверь, сосущий кровь“, а всего на всего — маленькая, гаденская вошь, хотя и „увеличенная в сто раз“...

Шамба Балинов.

О своеобразном понимании казачьей чести и об одном неуместном совете.

В журнале „ВК“, в одном из отчетов о собрании вольных казаков в Новом Саду, мне как то пришлось читать о очень характерное заявление одного из противников В. К. о том, что он — де не признает В. К. потому, что его возглавляют калмыки, а идти в подчинение к калмыкам или быть с ними наравне не позволяет, мол, ему честь казачья.

Станичник П. Поляков тогда же и там же дал достойную отповедь этому „гордому“ казаку.

Я тогда не обратил на это никакого внимания, рассматривая это заявление „гордеца“, как проявление крайнего самолюбия. Во-первых, совершенно не соответствует действительности его утверждение, что В. К. возглавляется калмыками. Ведь для нормального человека очевидно, что сотрудничество в журнале „ВК“ двух-трех калмыков (в числе сотни других!) ни в коем случае не может рассматриваться как возглавление ими всего В. К. К тому же, калмыки совершенно и не претендуют на подобную роль! Во-вторых, по опыту долгой совместной жизни с донцами мы знаем, что эти последние придерживаются совершенно иного взгляда и ничуть не считают оскорблением для своей казачьей чести подчиниться калмыку, если тот достиг досога.

В жизни было много примеров, когда казаки охотно подчинялись калмыкам. Были казачьи полки, коими командовали калмыки. И казаки и казачьи офицеры не оскорблялись этим: Донское казачество ничуть не считало для себя зазорным выбирать на высшие государственные посты калмыков. Калмыки были заместителями председателя Донского парламента, калмыки были министрами Донского государства, занимали и другие ответственные посты.

Было бы совсем плохо, если бы дело обстояло иначе, если казаки наделяли бы калмыков только правом вместе с ними умирать — равное право на смерть, но бесправие в жизни! К счастью, этого в жизни не было, думается, и не будет.

Во всяком случае в жизни Донского Казачества зоологические мотивы, по крайней мере в отношении калмыков, места не имели. Они были братьями, как на поле брани, так и в частной жизни. Калмыка не оскорбляло подчинение достойному казаку, как и казака не оскорбляло подчинение достойному калмыку.

Именно по этим соображениям, я в свое время не обратил внимания на то заявление о своеобразном понимании казачьей чести. Тем более не обратил внимания, что думалось, что этот кубанский „гордец“ просто клеветает на свою Кубань...

Но вот оказалось, что подобные „гордецы“ завелись и в среде донских казаков. В газете „Казачий Набат“ я имел удовольствие читать, например, следующие строчки:

— „а калмыки и вовсе не казаки“...

— „не казаки... недоразумение одно... инородцы“... Нет надобности распространяться на счет погром-

ного „душка“, заключающегося в этих двух строчках, свойственного только Чапчиковым разным народам. Это — их „привилегия“, являющаяся прямым следствием их несложного мышления, в силу чего они вопросы большой политики никак не могут обсуждать без внесения туда элемента от шашки и зоологии. В силу такого качества своей души, подобные типы в разных странах и являются продолжателями культивирования погромной мысли.

Но если освободить эти строчки от зоологического элемента, то в них заключается и серьезный вопрос. В самом деле, кто же такие калмыки: казаки или „новое не казаки“, а презренные „инородцы“?

Вопрос чрезвычайно интересный и вместе с тем, как нам кажется, настолько очевидный и ясный, что не требует объяснения.

Прежде всего нужно задать подобным казачьим вопрошателям „контр-вопрос“: как они рассматривали калмыков, когда эти последние в течение целых веков жили вместе с казаками, иля вместе с ними „стремя о стремя“ навстречу смерти, деля с ними радость побед и горечь поражения и унижения? Когда калмык в пылу боевого сражения, под убийственным огнем неприятеля вытаскивал на своих плечах раненого казака (как делалось и наоборот!), то в каком качестве это он делал — в качестве ли казака, или в качестве „недоразумения“? Были ли они тогда для них презренными „инородцами“ или были чем то большим — собратьями по оружию, друзьями по общему страданию?

А затем приступим к краткому изложению своего взгляда на этот вопрос. Тут нечего особенно длинную песню заводить. Само собой ясно, что калмыки по своему происхождению, религии, языку и прочим данным не являются казаками в этнографическом смысле этого слова. Они — калмыки и весь разговор.

Но совершенно иное дело, если к этому вопросу подходить с точки зрения государственно-политической.

Поскольку вольные казаки стремятся к созданию своего ни от кого независимого казачьего государства со включением в него как одну из составных и равноправных единиц и калмыков, поскольку эти последние разделяют эту вольноказачью идею и вместе с казаками работают, иными словами, поскольку и казаки и калмыки думают и мыслят в будущем жить, как и прежде, братской совместной жизнью под одной крышей казачьего государства, — постольку калмыки являются и казаками. Как, например, немцы или итальянцы, граждане Швейцарии, являются швейцарцами. Или как все народы, бывшие под властью Рос. Империи, назывались „русскими“.

Само собой разумеется, для г. г. Чапчиковых, рассматривающих казаков „сверхрусскими людьми“, обязанными вечно и беспрекословно служить „природному царю“, и русскому мужику, толкующих слово „казак“ не в смысле этническом, а только как прилагательное,

определяющее сущность Казачества как „военного сословия, т. е. для людей недумаящих о казачьей свободе, независимости, а мечтающих о том, чтобы как можно крепче втиснуть казаков в российский имперский хомут, конечно, калмыки не казаки. Калмыки не хотят быть сословием, как и большинство казаков, вопреки стараниям разных Чапчиковых, не желает дальше именоваться „военным сословием“, а желает восстановить и отстаивать свое собственное лицо.

Но если, к несчастью, русским удастся силой оружия подавить свободу всех народов, придавить своим имперским прессом всех и заставит казаков и впредь именоваться „военным сословием“, „особым родом оружия российской армии“, то тогда калмыки этнографически-национально оставаясь калмыками, будут называться русскими в государственно-политическом значении. Мы верим, что этого не случится.

Не желаем мы этого потому, что знаем, что все нерусские народы для русских „патриотов“ являются только „презренными инородцами“. Тут уж совершенно прав Чапчиков, своим заявлением подчеркивающий звериное нутро тех патриотов.

Собственно не стоило бы отвечать на это гнусное заявление. На всякий чих не наздравствуешься! Но я хотел, чтобы читатели „ВК“ знали, для кого калмыки — братья-казаки, а для кого — „презренные инородцы“.

Мне кажется, что даже и сам Чапчиков это свое заявление сделал не в силу какой либо особой нелюбви к калмыкам, а просто в порядке выполнения „социального заказа“ своих хозяев, чтобы этим самым лишней раз лягнуть В. К.

Пес, бегущий под повозкой, воображает себя полезным участником-руководителем той „тяжелой артиллерии“, которая вот уже пятый год упорно палит холостыми снарядами по Вольному Казачеству. Все, что сейчас делают и пишут подобные типы, направлено исключительно на поношение вольных казаков, на выдумывание всевозможных небылиц, на пускание разных грязных „слушков“. Именно в порядке такой политической „работы“ написал Чапчиков и эти свои слова, направленные против калмыков, потому что несколько калмыков являются активными участниками вольноказачьего движения.

Впрочем, мы на Чапчикова не обижаемся. Не он ведь начал это „дело“. Это всего лишь повторение той политики внесения национальной розни между казаками и калмыками, хилый плод того семени, что несколько лет тому назад, впервые за все время совместной казачье-калмыцкой жизни, брошено „отцами“ казачьей демократии — Харламовым и Васильевым, в виде указания на то, что калмыки когда то на Калке (в XIV веке!) „пили русскую кровь“. Или повторение попытки внесения религиозной вражды между казаками и калмыками, что делает ген. Богаевский, ложно утверждая, что калмыки никогда ни копеечки не жертвовали на постройку православной церкви.

Для того чтобы бороться с ВК, которое своим правдивым словом снимает с некоторых господ ложную мишуру, показывая их народу в их подлинном виде, эти господа делают все допустимое и недопустимое. И эти неудачные попытки возбуждения национально-религиозного антагонизма между казаками и калмыками делаются исключительно в порядке той же самой прототиво-самостийничьей работы.

Но калмыцко-казачья дружба на костях наших предков основана, кровью нашей закреплена, историей оправдана, и никакое гнусное забиванье клиньев на национально-религиозной почве не разрушит ее.

Вольноказачья идея настолько подкупающе-привлекательна для всех казаков, что никакой клеветой ее не очернишь; настолько поражающе-сильна, что никакие „увертки“ нечего не могут сделать с ней

Пусть всяк по своему сходит с ума, пусть все от безделья выдумывают всякую ложь по адресу ВК, но вольные казаки должны спокойно, с сознанием своей правоты делать свое дело...

Раз коснулся этого „больного вопроса“, то не могу пройти молчанием и мимо того дружественного совета, какой делает калмыкам атаман Яицкого Войска Толстов, т. е. совета уйти обратно в Азию „теми путями, по которым пришли“...

Не хочу здесь касаться его „глубоких“ философских размышлений о „крепко разбавленном московском винце“, о казачьей борьбе „за государственную химию“ просто потому, что эти аллегории, признаться, мне малопонятны, но так или иначе откликнуться на его дружеский совет считаю необходимым. Тут я должен заявить, что Яицкий Атаман, подсказывая калмыкам мысль о возвращении на свою древнюю родину, ломится в открытые двери, ибо эта мысль у калмыков на всем протяжении их трехсотлетнего пребывания на Востоке Европы ни на один момент не умирая жила и живет, как в эмиграции, так и „там“.

И если в годы борьбы с большевиками они не ушли в Азию, то это не потому, что калмыцкая интеллигенция „не сделала вывод из своей истории“ или ошибочно поверила в силу и прочность „не во время начатого Государственного Донского Образования“ и „связали себя с Донским казачеством крепко разбавленным московским винцом“, как думает Толстов, а просто потому, что нельзя было этого сделать по многим и многим от калмыков независимым причинам.

Калмыки довольно трезво смотрят на свое будущее и оно их не радует. Это и естественно. Оторванный от своего основного национального ядра и брошенный за тридевять земель в среду огромного моря чужого ему народа, лишенный всех своих национальных прав, находящийся под непосредственным и сильным давлением иной культуры, культурно-отсталый, экономически слабый, количественно малочисленный, — калмыцкий народ на Востоке Европы обречен на то, что рано или поздно он утратит свое национальное лицо, окончательно ассимилируется с окружающим народом. Такова ясно определившаяся национальная перспектива для калмыцкого народа, если он останется жить на востоке Европы. Вопрос лишь во времени — когда этот денационализационный период кончится для них.

Но поскольку нет реальной возможности возврата на свою древнюю родину, то для калмыцких общественных деятелей „решение“ национального вопроса сводится к тому: в каком случае можно будет как можно дольше сохранять свое национальное лицо — тогда ли, когда калмыцкий народ будет продолжать оставаться в составе российской империи, доведшей калмыков до настоящего их положения, или же тогда, когда они найдут себе место в составе какого нибудь другого государства, способного и могущего уважать их национальные права, дать им возможность национально-культурно развиваться.

Вопрос о чисто калмыцкой национальной независимости по многим причинам исключается. Таким образом, вопрос сводится к поиску себе союзника, более к калмыкам благосклонного, дружеского, братского из

Успех казачьей пропаганды.

— Варшавский „Wschód“, орган польской академической молодежи, посвященный вопросам сближения и знакомства с народами Ближнего и Дальнего Востока, в номере за август-сентябрь с. г. поместил написанную в дружеских тонах рецензию г-на S. Jęgeti о сотом номере нашего журнала и информационную статью Шамбы Балинова „О казаках и Казакии“.

— Болгарская газета „Дневник“ (София) в номере от 5 июня с. г. поместила в переводе на болгарский язык статью П. Сотникова „Думы казака“ из № 94 „В. К.“.

числа непосредственно с ними соседящих народов, с которым, не теряя своего нац. лица, можно было бы жить в лоне одного государства на принципе равных прав и обязанностей.

Из горького опыта жизни мы знаем, что дало нам, калмыкам, и что сулит в будущем пребывание в составе Рос. Империи. Этот пример говорит нам, что от, для своего времени, достаточно культурного, многочисленного, сильного и национально независимого калмыцкого народа сознательной волей и жестокими действиями русской имперской власти через каких нибудь полтора-два десятилетия остались „рожки да ножки“.

После революционных событий этот процесс национального вырождения пошел неизмеримо быстрым темпом: оставшаяся в пределах Рос. Империи (под названием СССР) главная масса калмыков подвергается безудержным экспериментам, а очутившаяся в эмиграции небольшая часть под давлением безысходной нужды, разбросанная по многим государствам Европы,

влечет жалкое существование. Какие это будет иметь последствия, при том в самом скором будущем, ясно всем.

Следовательно, пребывание в составе России, независимо от ее политического цвета, ничего хорошего нам не сулит.

С другой стороны, также из опыта жизни, мы знаем, как по быту, духу и наклонностям мы близки и родственны с казаками с которыми так долго, по братски хорошо жили, и которые ни в чем нас национально не стесняли, не проявляли никакой нетерпимости (за исключением выше отмеченного „нового веяния“).

Вот почему калмыцкая национально-политическая группа „Хальмэк Тангэчин Тук“ сделала свой выбор и примкнула к Вольному Казачеству, стремящемуся к созданию единого независимого казачьего государства, в котором отводятся калмыкам место равноправного сочлена с признанием и уважением всех их национальных прав.

ДУМЫ И МЫСЛИ.

О казачьей оси.

Переменяю у порога держак на тяпку; слышу: скрипнула калитка; гляжу — Мурко насторожился, но не двигается — значит свой. И действительно, по дорожке из-за рядов помидор и початки появился Егор Петрович.

- Здорово ночевал, Е. П.!
- Здравия желаю, г. атаман!
- Ну как живешь-можешь?
- Слава Богу! полегоньку; ворочаюсь!
- Так. Ну что, Петрович, прочитал атаманскую статью в 106 номере?

— Прочитал и даже два раза. Ну и туману-же напустил! Избави Боже! Если-бы подписи и не было, то я сразу-бы решил, кто это пишет... Ведь туман-то такой, что сразу на голодный желудок и не разберешь.

Я засмеялся, а Е. П. продолжал:

— Ишь, пишет: „ось погнулась“, да как ей, родимой, не погнуться по этому российскому шоссе, всему избитому, исковерканному, с бесконечными ухабами — предписаниями, выбоинами — приказами.

— Что-же касается чужих коней, то это русские привыкли на чужих конях ездить, да еще и чужим кнутом погонять! Ты чево-же, атаман, смеешься? Верно! Мы не привычны на чужих конях ездить, а на своих волах круторогих, да и кнута-то нам не нужно было, а бывало крикнешь: — „Ей! Цоб-цабе!“ Ан смотришь, и дело угорит скорей, чем по Питерскому приказу.

— А за землю он что-то марманул*), так это верно по ошибке, али спросоньи; иде ему, русскому генералу, ее матушку-кармилицу знать?

— Стой, Е. П., да ведь он то казак!

— Ну дак штож, што казак! Да он ее не знает! Как пожил в России, да послужил, так он ее и позабыл,

— Не думаю, Е. П.!

— А ты подумай! Задай ему такую закорюку: а что у нас на Чеканихе или над Шпаровым курганом нужно сеять апосля жита, он и не скажет, пусть хоть целый месяц там потолкается! Верно говорю! Ее, матушку, нужно знать. Да мало того, что нужно знать, но еще нужно знать и кому ее дать! А вот в Питере-то этого никогда и не знали: кому что нужно и толковали всегда по своему: просят гимназию, а им — ма-неж. У казаков от этих приказов и предписаний на затылке и волос-то мало осталось. Как выслушаешь, бывало, то только затылок почешешь, да руками разведешь, а то по просту и плюнешь! Али не верно я говорю?

— Что-же касается изучения казачества, то и тут он опять промашку поимел. За изучение казачества и его истории принялась-то молодежь, а никак не старики. Возьмем хоть ген. Быкадоров, ведь он начал-то пи-

сать, да изучать казачество еще до европейской войны, а он-то и сейчас еще не старик, ведь мы с ним одногодки... Ишь вот, судьба-то наша казачья?! И тут сорвалось! И зачем его производили в генералы.. Я так так думаю, что если-бы он был не генерал, то наверное не отшатнулся-бы от настоящих казаков и вкусом бы у него не изменился.

— Ну, а вот насчет: механизации, американизации, коллективизации, индустриализации и прочих „заций“ рядовое казачество никогда и не думало, да и сейчас не думает. Да оно все это ни к чему! Дал-бы Бог только вернуться в свою Казакию, а то мы будем живы и сыты хлебушком, скотинкой и шерстью, а если к нам да еще прибавить уголек, нефть и рыбку, то через пятилетку-то у нас бабы-шеголихи будут носить серебряные подковки, как бывало в старину, а про наборные пояса и говорить нечего. Ишь вот, последствие российской пятилетки — голод; а я так думаю, что после пяти лет у нас в Казакии хлеба-то девать будет некуда, и в нашу казну будут везти как сейчас во Францию, в слитках золото.

— Наш-же казачий нравственный облик водители Вольного Казачества знают прекрасно. Одно вот мне досадно, что некоторые из нашего брата — простых казаков — никак не попадут на наш казачий шлях, до сих пор никак не раскумекают.*) где правда; а много, ой как много есть и таких, которые бросали старое и пошли к казачьему шляху, стали и думают: как-бы промаху не дать, как-бы не обмшшуться, дай лучше по-дожду, — а чего ждать-то, они и сами не знают.

— Надьсь встретил Федора Аверьяновича и говорю ему: — ну что-же, ты еще раздумываешь? А он и начал вилить, да я его оборвал и по своей привычке прямо и выпалил: ты вот что, брат, выходи на казачий шлях, а то гляди и опоздать можешь!

— Как это, опоздать? спрашивает он.

— Да, так! Вот погляди сколько русских за границей, а в свою Россию и носа показать не смеют.

— Так как-же?

— Да так! Ты сам обмозгуй!

И с тем я и пошел. Отойдя шагов 15, я оглянулся, а он все еще стоит, никак не может в себя прийти.

А вот нас-то донцов атаман, видать, совсем не знает; не видал нашей жизни до войны, а теперь и нашей истории не читает. Я так решил, атаман, если мне набавят хоть пол франка на день, то я выпишу книгу Сватикова и пошлю ему, что-бы у него туману-то поменьшало и он-бы перестал говорить о выпрямлении оси, а кликнул-бы отбросить негодную казачеству русскую ось, а заменить ее своей казачьей, да подмазать ее казачьей сметкой и запрячь казачьих волов круторогих и с Господом Богом в путь дорогу по казачьему шляху: — „Цоб-цабе!“

Дед Балабин.

*) Марманул — буркнул.

*) раскумекать — разобрать.

Воспоминания.

После эвакуации с Черноморского побережья, т. е. после окончательного захвата Кубани большевиками, „с воцарением мира и спокойствия“, как уверяли большевики, — испытания казаков не кончились, а вступили в новую фазу.

Кто-кто, но большевики никак не могли примириться с существованием Казачества, оказавшего им столь упорное сопротивление и, несмотря на свое поражение, отрицательно относившегося к их идеям. И, видя в нем скрытую опасность и помеху для насаждения в наших Краях коммунизма, большевики с первых же дней своего господства над обессилыми и обескровленными защитниками не только своих интересов, но — невольно! — и интересов им совершенно ненужной единой-неделимой, привялились за „разложение“ Казачества. Аресты, расстрелы, ссылки, переселения — для старшего поколения, уже познавшего и вкусившего немного прелестей коммунистического рая, и усиленная пропаганда, насильное прививание химерических идей — для младшего, только начинающего вступать в жизнь молодого поколения. Они были мобилизованы, им пришлось носить имя красного солдата, маршировать под красными знаменами, кому воевать против „белых“ в Крыму, кому против поляков, иным нести гарнизонную службу. Они были распылены по всей красной армии и, против желания, усиленно „обдeldывались“, на коммунистический лад, т. к. цель большевиков — в короткий срок выпустить казаков-агитаторов для ведения пропаганды в своих станицах — проводилась в ударном порядке.

Надежды эти не оправдались. Не могли, не хотели казаки переменить свой душевный облик, не могли забыть — Родную Кубань, ставшую еще дорожее, свои традиции, обычаи — не по вкусу им была Российская „свобода“, ничего общего с казачьей не имеющая. В незнакомой, непонятной и подозрительной стране — стране, задыхающейся от „избытка“ долгожданной свободы, почувствовали они себя совершенно чужими и чувство опасности подсказывало и заставляло искать выхода из заколдованного круга. И из далеких окраин, и из центра „свободной“ России, становясь дезертирами, уходили домой на Кубань, а попавшие на фронт переходили на сторону противника. А попавшим в Кронштадт, главную цитадель большевизма, пришлось тянуть лямку вплоть до 17 марта 1921 года, когда, после краткой и ожесточенной борьбы, рушилась еще одна надежда на падение большевиков и большая половина восставших интернировалась в Финляндии, спасаясь от беспощадной расправы „пролетариата“.

В разыгравшейся в Кронштадте событиях, казаки никакой существенной роли не играли — их для этого было слишком мало, но к их чести следует сказать, что несмотря ни на какие ухищрения большевиков, несмотря на свою еще неопытность разбираться в сложных политических интригах, они до последнего дня с гордостью носили имя казака, нередко этим удивляя самих большевиков, а в дни восстания ярко подчеркнули свою ненависть и неприязнь к поработителям, актом перехода на сторону восставших...*) Терпеливо, с достоинством был пройден ими путь с Родного края на далекий север и не с оружием в руках, не в жарких схватках, а под лозунгом уничтожения. Тяжел был путь, но не все погибли. Хотя и мало, но все же есть такие, для которых воля казака и любовь к родному краю дороже всего. А остальные — они там, но никак не верится, чтобы они забыли все и сознательно шли рука об руку со своими врагами. Не может быть, да и трудно допустить, чтобы сознательно они надели на себя цепи „цивилизованного“ рабства, утешая себя надеждой на осуществление рая на земле. Они там, а мы здесь, но в нужный подходящий момент мы пойдем один другого, скажем всем — прочь руки от нас! и рядом станем на защиту Вольного Казачества. Пусть

*) Часть казаков находилась на Ориенбаумском побережье, неся сторожевую службу совместно с украинцами, тоже мобилизованными большевиками. Отсюда они и были посланы в наступление.

еще пройдут годы, но все же настанет конец настоящей трагедии Казачества, длящейся с последовательной жуткой монотонностью вот уже столько лет.

В начале лета 1920 года на Кубани была объявлена мобилизация 1900 и 1901 г. г. рождения, Некоторые из подлежащих мобилизации принимали участие в „белой армии“, а некоторые по стечению обстоятельств не мобилизованные, но и не имевшие большого желания итти добровольно — совсем не нюхали порохового дыма. Несмотря на то, что вновь появившиеся господа положения как-будто проявили вначале свое „великодушие“ к побежденным, заключавшееся в том, что оставшихся после отступления дома и вернувшихся после сдачи на Черноморском побережье в свои станицы казаков — оставили в относительном покое, несмотря на их уверения в том, что наступила „новая эра свободной жизни“ и для рядовых казаков, обманутых белогвардейцами, Казачество не открыло перед ними своей души, чувствуя очередной обман, ловушку, что и подтвердилось потом на деле. Сознывая очевидность своего тяжелого положения — положения на милости у победителя, не желавшего им ничего, кроме гибели, и не имея никакого желания опять служить, защищать коммунистические идеи — они сразу проявили сопротивление мобилизации, выразившееся не в борьбе с оружием в руках, а в модном в те времена митинговании.

В станице Т. объявлена мобилизация и казакам приказано было явиться к определенному сроку на митинг. Хотя мобилизации подлежали только два года, на митинг явились чуть ли не все, узнать в чем дело. У порога станичного правления, переименованного в совет разных депутатов, собралась молодежь, на все лады обсуждая вопрос на злобу дня. То тут, то там мелькают бородастые лица, усиленно жестикулируя и доказывая, что не нужно итти, а сидеть дома, сообщая, что в других станицах казаки отказались и им ничего не было. Но вот вышел комиссар с помощниками и направился к расположенной на площади трибуне, приглашая туда и собравшихся.

Митинг начался и почти одновременно из прилегающих к площади улиц и улочек появились вооруженные красноармейцы, плотным кольцом охватив собравшихся казаков. Полились с трибуны речи в честь коммунизма, пролетариата, красной армии, но слишком невнимательны были слушатели. „Заговаривают зубы, знаем мы их“, — проносилось среди казаков. Не верили, но надо было слушать; не хотелось, но надо было поднимать руки, чтобы голосовать за, т. к. плотное кольцо красноармейцев внушало опасения и заставляло быть сугубо осторожными.

„Вы больше не пойдете воевать — война кончена, но вы должны нас поддержать пойти навстречу и стать сознательными товарищами в совместной работе за завоевания революции, за власть пролетариата, за наше светлое будущее“ — неслись речи ..

Упорно молчали казаки, давая почувствовать, что широко пропасть невозможно перешагнуть. Лопнуло терпение комиссара и, выйдя из себя, он заявил, что если к завтрашнему дню казаки не явятся на сборный пункт, находившийся на вблизи лежащей станицы, то вся станица будет сметена с лица земли орудийным огнем бронепоездов, дымы которых были заметны из станицы. „Не пойдем — довольно воевать, довольно крови, дайте нам спокойно жить, — выкрикивали старики, стараясь быть незамеченными, в душе сознавая, что из такого протеста ничего не выйдет, да как бы и в самом деле своею прыткостью не навлечь раньше времени нежелательных „неприятностей“.

Угрюмо разошлись и начались сборы. А на следующий день, распрощавшись с родными, знакомыми, с насиженными местами, отправились в путь-дорогу, думая вскоре вернуться домой.

Несмотря на крутые меры, большевикам все же не удалось завербовать всех молодых казаков. Кто только мог, тот всеми силами старался остаться дома, не желая итти служить. Их потом уже вылавливали и предавали суду за дезертирство.

Вот приблизительно в таких условиях протекала мобилизация по всем станицам Кубанской области. А станицы, расположенные ближе к Кавказу, дали очень мало казаков, т. к. последние предпочитали уходить в горы и леса, а так же к зеленым, чем служить большевикам.

Все мобилизованные были отправлены в Россию и все без исключения побывали в Казани, где подверглись учебным и политическим занятиям под руководством красных офицеров. Строгая дисциплина, ужасные условия существования, недостаток питания, включая проволока вокруг казарм с часовыми, — все это не могло „поднять духа“ новоиспеченных защитников революции“ на должную высоту и чуть ли не с первого дня начались недоразумения и конфликты с властью имущими. Недовольство выразилось открыто особенно „политической грамотой“ и доходило до того, что заявляли, что „все равно перейдем к своим, как только отправят на фронт“.

На все такие выходы большевики смотрели сквозь пальцы и только удивлялись. Удивлялись не только этому. Удивлялись какой то особой независимости, внутренней спайке их, им незнакомым обычаям, любви к казачьей форме.

Обмундирование не выдавалось и носили свое. А свое это — ногавицы, папахи, пояса, галифэ, бешметы и г. д.

За короткое время казаки представляли из себя образцовую военную часть и на одном из смотров удосужились похвалы „высшего начальства“...

А летними вечерами под открытым небом раздавались песни о далеком покинутом Крае, о глубокой истинной любви к нему, о сильном желании вернуться из далекой неволи в родные станицы...

Но вот кончились лагерные занятия и начались распределения по частям красной армии. Одна группа в несколько сот человек была отправлена в северо-западном направлении. Новых, наскоро обученных, облаченных в форму красной армии „борцов за власть советов“ посадили в вагоны, поставили часовых и политруков и повезли по просторам теперь „свободной“ страны, встречая и провожая с музыкой и хвалебными речами.

Приехали в Москву, постояли сутки на каких то запасных путях, покормили супом с воблой и пшеницей и покатали дальше. Вот и Петроград и наконец Кронштадт — зачинщик революции, гордость большевиков.

Никто не думал и не гадал, что казаков заставят служить во флоте, но хотя и не всем, но пришлось. По кораблям, по морским училищам и командам по артиллерийским учеб. командам, а большая часть по фортам — было произведено распределение и началась скучная, серая солдатская жизнь.

Несмотря на то, что Кронштадт считался оплотом революции, на который большевики рассчитывали, как на каменную гору, — тяжелое экономическое положение коснулось и его.

Недовольство на почве недостатка питания появилось сперва среди рабочих, откуда перекинулось и в части, несшие гарнизонную службу. В конце февраля 1921 года возникли волнения в Петрограде, но они были подавлены сразу верными большевикам частями курсантов, латышей и кигайцев.

1 марта 1921 года по случаю „рабочего праздника“ в Кронштадт приехал сам „дедушка“ Калинин, чтобы своим выступлением и объяснением экономического положения советской республики внести некоторое успокоение в ряды пролетариата. Но на состоявшемся митинге „пролетариат“ его и слушать не захотел, заглушив речь свистками и криками „долой“. Счастье его, что он по добру и здорovu успел улизнуть из Кронштадта. Без Калинина, без высших местных представителей власти здесь-же на митинге была вынесена резолюция: „Долой власть коммунистической партии, да здравствуют свободные советы“. Город был объявлен на военном положении, избран революционный комитет и без всякого пролития крови власть перешла в другие руки. Настал момент действовать, но он не был использован, что и было главной причиной неудачи

восстания. Не хотели первыми начинать военные действия, надеясь, что большевики пойдут на уступки. Четыре дня бездействовали и дали возможность большевикам стянуть силы и изолировать Кронштадт от внешнего мира. Сам Троцкий, прибывший к месту событий, предъявил ультиматум сдаться и, после отказа, приказал открыть огонь по восставшему городу. Война началась.

Технически Кронштадт был вооружен хорошо, но предназначен он был для борьбы с внешним врагом со стороны моря. Пояс сильных фортов своей ничем не защищенной стороной оказался теперь лицом к врагам, стрелявшим без промаха. Защитников не хватало для обороны важнейших пунктов, а их боевая подготовка была ниже всякой критики. Недостаток съестных припасов, дисциплина расшатанная „новой революцией“ — все указывало на то, что без посторонней помощи — долго продержаться, что понял командный состав, состоявший из бывших кадровых офицеров и с первых дней отказавшийся, за редким исключением, от активного участия. Не было авторитета в военном деле, — оперативной частью ведал революционный комитет, состоявший из матросов, солдат и рабочих. Чуть-ли не непрерывные атаки по льду замерзшего залива, обстрел со всех сторон и с воздуха заставляли думать, что большевики решили во что-бы то ни стало подавить восстание.

В первую ночную атаку на Кронштадт был послан пехотный полк, несший до этого сторожевую службу по берегу Финского залива и состоящий исключительно из мобилизованных молодых казаков и украинцев. Без единого выстрела, обезоружив своих комиссаров, полк перешел на сторону восставших. Дивизия, присланная из России, отказалась идти в наступление на своих братьев матросов, солдат и рабочих и была расформирована. В дело были пущены надежные части, состоящие из курсантов и инородцев. Несмотря на сильный огонь фортов, а также двух линейных кораблей, из-за отсутствия угля и ледокола не могущих выйти из гавани, ни на огонь пулеметов, косивших ряды наступающих, — противник становился все упорнее, не раз проникая в самый город. Многие форты огнем противника уже были полуразрушены, продовольствие почти кончилось, защитники были деморализованы, исчезла вера в успех.

17 марта большевики большими силами повели наступление, захватили несколько фортов и ворвались в город, из которого их не удалось выбить. Бой шел на улицах и в отдельных домах, переходивших из рук в руки.

Стало ясно, что Кронштадта не удержать и утомленные бойцы начали отступать в сторону Финляндии. Медленно двигалась огромная толпа в несколько тысяч человек навстречу полной неизвестности.

Около восьми тысяч защитников Кронштадта, отступивших в Финляндию, были разоружены и размещены по лагерям, обнесенным колючей проволокой и с часовыми. Потекли нудные дни, не приносящие ничего нового, никакой надежды на скорое возвращение на родину. В то время все почему-то думали, что падение большевиков — вопрос двух-трех месяцев. Северные жилищные условия, полуголодное существование, не заслуживающее одобрения отношение финнов способствовали разложению среди интернированных и посыпались просьбы об отправке назад в советскую Россию. Не потому, что раскаялись, признали себя виновными, обманутыми кем то, а только потому, что тоска по Родине заставляла искать выхода из действительно кошмарного положения и ехали „хоть умереть, да на родной земле“. А возвращавшихся „заблудших сынов“ на границе встречали пулеметным огнем.

А оставшихся, после трех-месячного сидения за проволокой, начали отправлять на работы. Перспектива пожить на свободе, отдохнуть от пережитых за короткий срок тревожений, подкрепить душевные и физические силы на случай новой борьбы подняло было дух в конце отчаявшихся людей. Но действительность оказалась слишком суровой. От зари до зари с лопатой или киркой, за осушкой болот, добычей торфа или рубкой леса, за ничтожную плату, не зная языка, под веч-

ным наблюдением хозяев или надсмотрщиков, — вот печальные этапы бесконечного тернистого пути, о котором никто не думал и не гадал. И идейные борцы постепенно стали превращаться в несчастных труженников, поглощенных борьбой за кусок хлеба.

Общей участи подверглись и казаки. Но, несмотря на свою молодость, они сразу резко выделились из общей массы и благодаря какому то особенному, трудно объяснимому казачьему инстинкту, быстро освоились с жизнью доселе незнакомого им народа, завоевали симпатии своим поведением, работой; нашелся какой то общий язык с угрюмыми сынами севера и их положительные способствовало сохранению духа и надежда, хоть и смутная, на близкий конец всем мытарствам, не утратившая.

Вот приблизительно при такой психологической обстановке в середине 1921 г. в Финляндии появился полковник Ф. И. Елисеев. Оставшийся на Кубани при сдаче армии ген. Морозова на Черноморском побережье, он как и все остальные офицеры, был интернирован в Россию и попал на Урал. Попытка бежать от большевиков увенчалась успехом. Очувтившись в Финляндии, усгровившись на работу и узнав, что здесь есть и кубанские казаки, он принялся за собиранье их „до кулы“. Медленно подвигалась работа, трудно было собирать казаков (узнавать их адреса и вести переписку), но вскоре все препятствия были преодолены и появилась Финляндско-Кубанская станица. Большой „казакман“, но без определенной политической линии, которую он способен менять так же, как „надвинутую на брови шапченку“ или „туго подтянутый кавказский пояс“, — он все же встряхнул казаков... Оживленная переписка с казаками, несколько раз устраиваемые

„Казачьи с'езды“, связь с Парижем, с Сербией, летучая библиотека, несколько вечеров во славу казачью и русскую и, наконец, переезд всей станицы во Францию на работу — дали ему уважение и имя „Батько“, как его называли почти все члены станицы. Его слово было законом для всех и не потому, что он сам этого хотел, — сами казаки, еще не привыкшие к заграничной жизни и может-быть еще неопытные в жизни вообще, — поставили его на роль чуть ли не диктатора. Но новая страна — Франция, страна культуры, свободы и всяких возможностей, явилась неподходящей почвой для дальнейшего существования полувоенной организации.

С течением времени меняются люди и их взгляды на жизнь... И через небольшое время после переезда появились первые симптомы, требовавшие перестройки организации, сообразуясь с условиями жизни и новыми горизонтами, открывшимися перед казаками. Бессменный атаман не учел, не понял ли или не захотел понять этого, да и в нем изменившаяся обстановка произвела изменения и доселе славная станица в 1926 г. прекратила свое существование... Казаки перестали быть парубками, которыми они были выброшены за границу... У „Батько“ же, кроме казачьих интересов, появились и другие и, насколько было славно начало, настолько был печален конец Финляндско-Кубанской станицы... Разошлись как в море корабли, но — остались казаками. И хочется все же верить, что эти казаки в нужный момент, не задумываясь, станут в ряды под родным стягом Казачества, на борьбу с врагами за его право и свободу.

С. Чепурной.

Франция. Виши. 24 мая 1932 г.

Успех казачьей пропаганды.

Редакция „В. К.“ получила следующее письмо от Президиума первого Конгресса Восточных Ассоциаций Польского студенчества:

Варшава, 1-VIII-1932.

„Вольное Казачество“, Praha XII.

Делегаты Восточных Ассоциаций Польского студенчества Варшавы, Вильно, Кракова, Львова и Познани, собравшись на первый Конгресс перечисленных организаций 15 и 16 мая 1932 года, единогласно приняли следующую резолюцию:

„Польская университетская молодежь, организованная в Восточных Ассоциациях Польского студенчества, выражает свои дружеские и братские чувства освободительному движению народов: Азербейджана, Крыма, Грузии, Горцев Кавказа, Идел-Урала, К а з а ч ь и х З е м е л ь, Белоруссии, Туркестана и Украины.

Польский народ, бывший в порабощении до самой Великой войны, завоевал свою независимость благодаря гению своего вождя Иосифа Пилсудского и героизму своих солдат. Бойцы за свободу являются живым примером самоотверженной любви к отечеству и воли в борьбе за свою самостоятельность.

Вот почему польская молодежь хорошо понимает освободительные движения других народов, разделяет чувства единства судьбы своего отечества с народами еще порабощенными и предусматривает в будущем солидарную защиту против русского империализма и иных агрессивных сил, угрожающих Польше и угнетающих другие народы“.

Общее собрание обязывает Президиум Конгресса сообщить эту резолюцию всем центрам, борющимся за свое освобождение народов, комитетам, организациям и редакциям журналов освободительного направления в Польше и за границей.

Пересылая вам эту резолюцию, мы желаем вам, дорогие друзья, успеха в борьбе за свою независимость и выражаем нашу полную уверенность в осуществлении освободительной идеи.

Подписали: В. Б о н ч к о в с к и й, Председатель Конгресса.

Секретарь Конгресса (подпись не разобрана).

— С большим удовольствием помещаем это письмо польских студентов и, с своей стороны, желаем им успеха в их деятельности.

От редакции.

Убедительная просьба ко всем, обращающимся за тем или иным в редакцию или присылающим деньги — все равно: подписку или в фонд С'езда, — всегда сообщать точный свой адрес, написанный четко и разборчиво.

Сотрудники журнала „В. К.“

(Из редакционного альбома).

Федор Георгиевич
ПОЛКОВНИКОВ,
казак ст. Кривянской, ВВД.

Николай СОСОВ,
казак ст. Тульской, Майкоп-
ского отдела.

Вячеслав Гервасиевич
СЕДОВ,
казак ст. Новогригорьевской,
2-го Донского округа.

Казачья эмиграция.

На В. К. с'езд.

Поступило: от NN 100 кч.

Поправка: В № 105 „В. К.“ напечатано: Из Польши от А. Кирьянова 11 кч. Следует читать так: из Польши через А. Кирьянова от И. Соскова 11 кч. Ошибка произошла по вине редакции.

В. К. в Ломе.

23 апреля с. г. Усть-Ломским станичным атаманом г. Панфиловым был собран станичный сход для обсуждения каких то, видимо ему одному известных, вопросов. В повестке дня не было указано, какие вопросы и дела на сходе будут разбираться и решаться. Атаман, видимо, не знаком с порядком ведения станичного схода.

Сидя в шапке, объявил сход открытым, не снимая ее и после. Не сказав ни слова о цели схода, торжественно вынимает газету „Возрождение“ от 19-го марта № 2482 и читает письмо г. Быкадорова к казакам.

Казаки внимательно выслушали, не входя ни в какие пререкания.

Станичник А. Попов предложил выслушать сначала брошюру „Мы, казаки, к казакам“, а после будет разбирать и то, и другое.

Атаман заявил, что он не желает слушать, никаких вопросов о В. К. не допустит и закроет сход. Потом предложил: или В. К., или он с своими должен уйти. В тоже время демонстративно покидает сход и с ним уходят 4 казака.

Представитель „В. К.“ г. Егоров предложил оставшимся, не выходя из помещения, продолжить сход и для этой цели избрать для ведения этого собрания председателя и секретаря. Председателем был избран А. Попов, Секретарем Ефим Зятямин.

На собрании постановили: образовать в Ломе новую станицу и произвести выборы ст. правления. Выбранными оказались: атаманом А. Попов (дон), помощником Г. Резников (куб.).

Не откладывая в долгий ящик, выработали устав

с названием — Ломская Обще-вольная казачья станица. Устав представили в подлежащее Министерство. 3 августа устав Министерством внут. дел и здоровья утвержден за № 9644.

Главные пункты устава: Держаться старых казачьих традиций; оказывать помощь инвалидам, старым и нетрудоспособным казакам, вдовам и нуждающимся казакам; заботиться о воспитании казачьих детей; отыскивать и увековечивать казачьи могилы.

Трудно было казакам в такое время безработицы ходатайствовать об утверждении устава. Требовались расходы и трата времени. Но, благодаря энергии и стойкости Ломских вольных казаков, все было найдено и все было сделано.

Особенно в этом деле принял горячее участие каз. Ефим Степанович Зятямин. Честь и хвала таким поборникам В. К. Дай Боже таких казаков больше.

По получении устава ст. ат. А. Попов 21-VIII собрал 1-й официальный вольно-казачий ст. сход, на котором порешили: образовать кассу взаимопомощи, фонд для В. К. с'езда, выписывать журнал „В. К.“ и войти в Союз В. К.

24 августа, 1932 г. Лом.

(Соб. кор.)

ВК в Боре.

Многоуважаемый Г. Редактор!

Покорнейше просим зачислить нас, нижеподписавшихся, в ряды вольных казаков-борцов за казачью правду и честь. Мы еще не имеем выборных лиц, когда выберем, то Вам сообщим сейчас же.

Знаем, что к нам придут еще казаки и тогда мы образуем станицу или хутор вольных казаков и будем звать под свое казачье знамя всех своих братьев казаков, которые живут вблизи от нас.

Вам, как руководителю вольноказачьего движения, и всем Вашим сотрудникам шлем свою сердечную благодарность за труды и низкий свой поклон. Дай Вам Бог довести наше дело до победного конца и развернуть его в свободной Казакии. Пусть все, в ком не

умерла душа казачья, пусть смело идут за нами. По своей родной дороге нам идти не страшно. С нами Бог и наша правда.

Вольные казаки: *Х. Дистерло, Наум Тобилка, Никифор Кныш, Матвей Михайлов и Гавриил Саенко.*
10-8-1932 г. Бор, Югославия.

Ко всему Кошу.

К нам, дорогие кошевики, друзья нашей молодости, обращаемся мы со своим призывом. Вы, в юнные годы свои ставшие в ряды Коша, под национальное донское знамя, Вы, кто принес присягу служить Казачеству и идее народоправства до последней капли крови, должны теперь прислушаться к голосу вашего Кошевого Атамана и Кошевых Старшин.

Мы зовем Вас в ряды активных вольных казаков. Вспомните, как мы, расставаясь, говорили друг другу: где бы нас не расбросала судьба, мы, услышав голос одного из нас, должны, как один, повернуться в его сторону и знать — поднимается Кош на защиту Казачьего Народа и его самостоятельности.

В годы великого испытания Казачества каждый кошевик должен отбросить все личные свои заботы и обиды и в дружном порыве ответить нам — слышим вас, наши выбранные станичники, и верим вам.

Пришла пора нам и за пределами родного Корпуса становиться в активные ряды национального движения, собирать около себя верных казаков, вселять дух веры и бодрости в измученных наших простых братьев, звать их и приучать к государственному строительству единой казачьей страны — Казакии.

Многие из старых кошевиков давно уже в рядах В. К., где же другие? Всем кошевикам связаться немедленно с Центром В. К. и просить о высылке журнала. Жертвуйте на Вольно-Казачий Съезд, на котором мы, кошевики, должны быть в возможно большем количестве представлены.

Мы просим отозваться Кошевых Есаулов и указать свои адреса своему Кошевому (Видинска 32-а, Боеград).

Один за всех, все за одного — говорили в старину наши отцы и деды.

Орлята — в орлиную стаю.

Наш девиз — Казачья Воля, Казакия — наша цель.

Бывший Ваш Кошевой Атаман
Александр Беломестнов.

Кошевые Старшины: **Павел Поляков.**
Борис Кундрюцков.

Белград, 20 июля 1932.

В Монтаржи.

М. Г. Господин Редактор!

Не откажите в любезности поместить в Вашем уважаемом журнале нижеследующее:

17-го июля с. г. город Монтаржипосетили вольные казаки Ш. Н. Балинов и А. Н. Трофимов.

В час дня, в ресторане „Днепр“, в отдельной комнате собралось около 25 человек казаков, донцов и кубанцев.

Господином Балиновым была ярко нарисована картина о казачестве в прошлом, затем краткую речь на тему „Страна казаков“ произнес есаул Трофимов; упомянуто было несколько живых примеров, как некоторые малые народы добились своей независимости.

Собеседование прошло очень хорошо. Надо сказать правду, что на некоторых казаков оно произвело большое впечатление.

Дай Бог, чтобы такие дружеские собеседования устраивались почаще, ибо они открывают глаза казакам на истинное положение вещей и помогут скорее разогнать те мрачные тучи, которые нависли над Казачеством.

Мы искренно благодарим Ш. Н. Балинова и А. Н. Трофимова за их приезд в Монтаржи. Теперь нам стала ясной цель вольных казаков. В недалеком будущем надеемся сделать что нибудь более существенное и свяжемся с Вольноказачьим Центром, дабы быть ему помощниками в его трудной и тяжелой работе.

Еще раз казачье спасибо Балинову и Трофимову, а также хозяевам ресторана С. А. Бойко и М. Н. Твердохлебу, предоставившим нам помещение для доклада.

Хотя мы в настоящее время бедны материально, но богаты и крепки вольноказачьим духом, в чем смею Вас уверить.

Примите наши искренние пожелания.

Вольные казаки: кубанец *С. Ткаченко*, донец

Карташев.
г. Монтаржи. Франция.

В Панчево.

Милостивый Государь, господин Редактор!

Покорнейше прошу, не откажите в любезности поместить на страницах Вашего уважаемого журнала нижеследующее мое письмо:

14 августа сего года я собрал казаков, чтобы выслушать доклад приглашенного мною из Белграда представителя „ВК“ — Б. А. Кундрюцкова. Я заранее предупредил казаков, что в этот день будет казачье собрание. Делал все это на законном основании, имея на то разрешение от полицейских властей.

В 9 часов из Белграда приехал Б. А. Кундрюцков;

КАЗАЧИЙ КОШ В ДОНСКОМ КАДЕТ- СКОМ КОРПУСЕ

(первые самостийники
35 выпуска 1924 г.).

Сидят слева направо: Федор Г. Полковников, А. Ротов, В. Андреев, Александр П. Беломестнов, Павел С. Поляков, Иван И. Назаров, Г. Григорьев, Борис А. Кундрюцков, Алексей Попов. Стоят слева направо: Церковников, Филатов, Ковшаров, Макарьев, Логвиннов, Седов, Басов. Бычков, Захаров, Букин, Потоцкий, Журавлев, Зимовнов.

казаки очень хорошо его встретили и приветствовали. Когда он сел за стол, чтобы начинать свой доклад, в дверях вдруг появился полк. Дьячевский с казаками: Андреем Гордиенко, Диким, назвавшим себя „бурей“, Вл. Невдяевым и Поликарпом Поддубным; они не решились войти в зал, но я пригласил их войти в зал и послушать доклад.

Но эти господа набросились на меня, как на организатора этого собрания, и стали меня поносить.

— Вы не казак, Вы самозванец, сказал Дьячевский. То же самое кричали остальные его спутники. Я на все это отвечал спокойно, хладнокровно, а теперь хочу довести о случившемся до сведения Вашего, всех казаков и тех лиц, которые меня не считают казаком, и заявляю:

Я имею выписку из Кубанского представительства, выданную мне 13-го ноября 1922 года за № 844, где я значусь казаком станицы Ольгинской. Подписан этот документ ген. Топорковым, который знал меня лично, и В. Сперанским.*)

Я слышал перед собранием, что вся госпитальская дружина называла меня большевиком.

Ну, это ясно, если у человека нечего сказать против правды, то он прибегает к какому нибудь способу; нечем крыть, ну и давай ругаться и пускать всякую ложь по адресу устроителей собрания, чтобы подорвать их авторитет. Но это оказалось не таким страшным, как они думали: моя группа все больше и больше растет, а у них уменьшается. Да разве казаки не видят на чьей стороне правда? Они теперь сами хорошо поняли смысл и значение Вольного Казачества. Так что нападки и ложь со стороны „русских казаков“ нас не тревожат. Нам даже и кулаки под нос суют, пуговицы обрывают, чашки с вином разбивают и все кричат, что Махно раз'единяет казаков...

Нет, я не раз'единяю, а наоборот — объединяю казаков. Я стремлюсь создать одно целое и своими силами поддержать Вольное Казачество. Я хочу, чтобы все мы шли путями наших предков.

Проснитесь же казаки! Вы слышите вопли наших угнетенных братьев, страдающих от руки московских палачей? Разве вы не слышите стоны погибающих казаков? Довольно нам носить повязки на глазах! Давайте их скинем и глянем на правду открытыми глазами.

Давайте, не смущаясь, все до одного смело станем в ряды Вольного Казачества, чтобы общим фронтом бороться за наши казачьи интересы, добиваться освобождения нашей родной земли, наших гор и степей. Будем собираться веедино и создавать наше собственное казачье дело. Надо за это браться самим и всеми силами помогать Вольному Казачеству: оно защищает Казачество, оно приведет нас к спасению, иначе погибнем навсегда и бесславно. Вперед, братья казаки! Да здравствует Казакия!

Мой привет всем вольным казакам, которые томятся за границей и которые страдают дома под московским игом.

Вольный казак Мих. Ив. Махно. (Станицы Ольгинской Кубанского Войска).

Письмо в редакцию.

Милостивый Государь Господин Редактор!

Не откажите в любезности поместить в журнале „Вольное Казачество“ нижеследующее:

*) От редактора. Семью Махно я знаю, т. к. это мои станичники. Казачья семья Махно была в станице Старонижестеблиевской, а потом переселилась в станицу Ольгинскую (Ольгинская — бывший хутор ст-цы Старонижестеблиевской). И. Билый.

В Казаки.

По советским газетам.

Борьба за хлеб — центральное место большевистских газет в наших Краях.

Перед нами Ростовские и Краснодарские газеты.

В „М“ от 23 августа: „Четвертая пятидневка (т. е. 15—20 авг.) не внесла изменений в ходе хлебозаготовок“. „Обеспечить немедленно пуск и бесперебойную работу всех молотилок района и вывоз всего хлеба из-под молотилок прямо на сыпные пункты“.

„Хлеб в первую очередь государству!“ приказывает „М“ 24 августа.

„Кр. Зн.“ 25 августа признается: „выполнение хлебозаготовительного плана по зерновым культурам в пригородных станицах проходит явно неудовлетворительно“...

„Страна требует от Края скорейшего выполнения хлебозаготовок“, вещает „М.“ 27 августа.

Пленум Общеказачьей станицы на Словакии на заседании своем 29. VIII. 1932, обсудив появившееся в газете „Казачий набат“ № 5 сообщение, касающееся атамана Общеказачьей ст-цы на Словакии И. И. Безуглова, единогласно постановил объявить путем нашего вольно-казачьего печатного органа „Вольное Казачество“ следующее:

Атаман Общеказачьей ст-цы на Словакии И. И. Безуглов уже более трех лет, т. е. с самого основания вольно-казачьего куреня имени Юрия Гончарова, состоит его атаманом.

В мае месяце с. г., когда вольно-казачий курень, слился с Общеказачьей ст-цей на Словакии, И. И. Безуглов был избран атаманом объединенной организации, каковым и состоит до настоящего времени.

По возвращении из поездки, И. И. Безуглов доложил членам ст-цы о работах Малого Круга В. К. Доклад атамана был принят к сведению и ему была выражена благодарность.

Сообщение же бульварной газетки „Казачий набат“ — „об исключении И. И. Безуглова из числа членов ст-цы, лишения должности атамана и избения за предательство вольно-казачьих интересов“ — является гнусной и бесстыдной ложью. Пленум Общеказачьей ст-цы самым категорическим образом протестует перед всей казачьей общественностью против низкого способа политической борьбы, практикуемого „Казачьим набатом“.

Правление Общеказачьей станицы на Словакии.

Лист до редакції „В. К.“

Вельмишановний Пане Редакторе!

Прошу ласково не відмовити умістити на сторінках шановного журналу „В. К.“ наступну мою заяву.

З огляду на те, що в числах IX і X „Кубанського Краю“ в „нотатках“ так званого „Марка Підгірного“ (псевдонім) зачеплено особисто мене, як співробітника „В. К.“, маю честь зголосити, що надалі від будь-якої полеміки з названим „Мар. Підгірним“ свідомо ухиляюся і то з таких причин:

1. Всякий обмін думками з т. зв. „Марк. Підгірним“ вважаю неможливим, зайвим і недоцільним тому, що усі випадки названого „автора“ проти моїх писань і виступів у „В. К.“ абсолютно позбавлені будь яких доказів та аргументації. Замість серйозної і толкової літературної суперечки по суті, тоб то намісто справжньої полеміки по змісту суперечливих питань, яка втягає в себе поняття розкриття певних ідей, ставлення і протиставлення постулатів та їх захист через доказ логічним і науковим шляхом з опертям на історичні, документально-фактичні й інші аргументи, п. М. Підгірний, свідомо чи несвідомо негуючи усі ці елементарні вимоги, збочує по змісту, формі і тону своїх впадів до звичайної недостойної словоблудної „бульварщини“, яка стає перепоною до ведення з мого боку серйозної і доцільної полеміки. Шануючи вагу друкованого слова, я від такої „маркопідгірнівської“ „полеміки“ ухиляюся.

2. Так званий „Марко Підгірний“, кричущись псевдонімом і безвідповідальністю, дозволяє собі в некоректний й образливий спосіб зачіпати в своїх писаннях мене персонально, зводючи таким чином всю свою „полеміку“ до особистих образливих нападів і переходячи тим межі всякої журналістичної етики. Шануючи самого себе, я від подібного взаємного пустого перекидування і жонгливання словами з „М. Підгірним“ відступаю, бо на такі словоблудні „хохлацькі дотепи“ не маю ані часу, ані охоти.

Микола Битинський.

Там же: „Июльский план хлебозаготовок по Зимовниковскому району выполнен всего на 9 процентов. Августовский план также сорван“...

Того же числа в „К. З.“: все силы, всю энергию на усиление вывоза хлеба на ссыпки!..“

28 августа в „М.“: „Нельзя себе представить более позорного отставания, чем то, в котором оказался Северный Кавказ, по выполнению плана хлебозаготовок... Край плетется далеко позади прошлых лет темпов и поставил себя на одно из самых последних мест в числе республик, краев и областей советского Союза“.

Там же: „Перелом в хлебозаготовках нет“.

29 августа: „Первые дни пятой пятилетки августа дают резкое снижение хлебозаготовок в Армавирском районе“, „Ляпинский, Горько-Балковский и ряд других советов совершенно прекратили сдачу хлеба государству“.

Открыта подписка
на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО — ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
 выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0.20 долл.

Отдельные комплекты за 1930 и 1931 годы продаются: в Ч. С. Р. по 100 к. ч.
 за год, а за границу — по 4 ам. доллара.

Подписную плату посылать по адресу: „Vlné Kozáctvo“, Hradecká 2207,
 Praha-Vinohrady, Tchecoslovaquie.